

Патрик Мелроуз. Книга 2 (сборник)

Автор:

Эдвард Сент-Обин

Патрик Мелроуз. Книга 2 (сборник)

Эдвард Сент-Обин

Большой роман

«Цикл романов о Патрике Мелроузе явился для меня самым потрясающим читательским опытом последнего десятилетия», – писал Майкл Шейбон. Ему вторили такие маститые литераторы, как Дэвид Николс («Романы Эдварда Сент-Обина о Патрике Мелроузе – полный восторг от начала до конца. Читать всем, немедленно!»), Алан Холлингхерст («Эдвард Сент-Обин – вероятно, самый блестящий британский автор своего поколения»), Элис Сиболд («Эдвард Сент-Обин – один из наших величайших стилистов, а его романы о Патрике Мелроузе – шедевр литературы XXI века») и многие другие. Главный герой, жизнь которого в немалой степени основывается на биографии самого автора, пытается изжить последствия детской травмы; он уже приструнил своих личных демонов, обзавелся красавицей-женой, двумя детьми и юридической практикой – но, когда он проводит лето на семейной вилле в Провансе, мать преподносит ему не самый приятный сюрприз...

По роману «Молоко матери», вошедшему в шорт-лист Букеровской премии, был снят в 2012 году полнометражный фильм (постановщик Джеральд Фокс, в ролях Джек Давенпорт, Адриан Данбар, Дайана Квик), а одним из главных телевизионных событий 2018 года стал выход сериала «Патрик Мелроуз», основанного на всем цикле романов Сент-Обина и уже номинированного на премию «Эмми». Сценарий сериала написал Дэвид Николс, главные роли исполнили Бенедикт Камбербэтч, Дженнифер Джейсон Ли, Хьюго Уивинг, Холли Грейнджер.

Впервые на русском.

Эдвард Сент-Обин

Патрик Мелроуз. Книга 2

© Е. Романова, перевод, примечания, 2018

© М. Клеветенко, перевод, примечания, 2018

© А. Питчер, перевод, примечания, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Молоко матери

Посвящается Люсиану

Август 2000 года

При рождении его чуть не убили: несколько дней кряду не давали ему спать, заставляя таранить головой закрытую матку; душили пуповиной; кромсали материнский живот холодными ножницами; зажали ему голову в тиски и, выкручивая шею, потащили прочь из родного дома, светили в глаза фонариком, дергали и ворочали, ставили над ним какие-то опыты... И в довершение всего разлучили с лежавшей на столе полумертвой матерью. Быть может, надеялись, что так он забудет о ностальгии по прежнему миру? Сперва сунули в тесную утробу (вдруг да захочется на волю), а потом притворились, будто убивают – пусть радуется обретенной свободе, хотя бы и в этой шумной пустыне, под ненадежной защитой только маминых рук, а не всего ее уютного теплого тела, составлявшего некогда его мир.

Шторы вдыхали в больничную палату свет. Сперва набухали жарким воздухом с улицы, а потом вновь приникали к высоким балконным дверям, приглушая ослепительное сияние дня.

Кто-то открыл дверь, шторы вспорхнули и затрепетали; на столе зашуршала бумага, комната побелела, и шум дорожных работ с улицы стал чуть громче. Потом дверь хлопнула, шторы вздохнули и свет померк.

– Ох, опять цветы! – застонала мама.

Сквозь прозрачные стенки кровати-аквариума ему было видно все, что творилось вокруг. Из вазы на него поглядывала липким глазом растопыренная лилия. Сквозняк иногда доносил перечный аромат фрезии, от которого тянуло чихать. Кровавые разводы на маминой ночной сорочке мешались с рыжими пятнами пыльцы.

– Как это мило... – Мама засмеялась от бессилия и возмущения. – Может, в уборной найдется для них местечко?

– Нет, там уже стоят розы, и подоконник забит всяким барахлом.

– Боже, это невыносимо. Бедные цветы губят сотнями и запихивают в белые вазочки, чтобы нас порадовать. – Она все смеялась, а по щекам текли слезы. – Лучше бы их оставили в саду...

Медсестра заглянула в карту.

– Пора принимать вольтарен, – сказала она. – Иначе опять заболит. – Она посмотрела на Роберта: в пульсирующей мгле он разглядел ее голубые глаза. – Какой осмысленный взгляд у вашего мальчика. Он явно строит мне глазки!

– С ним ведь все хорошо? – Маму внезапно обуял ужас.

Роберту тоже стало страшно. Даже в разлуке их связывала одинаковая беспомощность, как жертв кораблекрушения, вынесенных морем на незнакомый дикий берег. Не в силах ползти по песку, они просто лежали, утопая в ослепительном свете и грохоте. Впрочем, факт оставался фактом: их разлучили. Мама теперь снаружи, он это понимал. Для нее дикий берег – лишь новая роль, а для него – новый мир.

Причем мир этот казался странно знакомым. Он всегда знал, что снаружи что-то есть. Прежде он думал, будто живет в самом сердце мира, состоящего из воды и приглушенных звуков. Но теперь стены рухнули, и он увидел, какая кругом неразбериха. Что же делать? В этом оглушительно-ярком месте с тяжелой атмосферой нельзя больше ни пинаться, ни кувыраться, и воздух жжет кожу.

Вчера он решил, что умирает. Может, так оно и было? Кругом неопределенность, и только одно не подлежит сомнению: они с матерью – больше не единое целое. После разлуки любовь к ней приобрела новую остроту. Раньше мама всегда была рядом, а теперь он мог лишь мечтать о близости. Ничего печальнее этого первого вкуса тоски по ней не было на свете.

– Ай-ай, что случилось? – запричитала медсестра. – Мы проголодались или просто хотим на ручки?

Она достала его из аквариума, пронесла над пропастью, разделявшей кровати, и положила прямо в мамины руки, на которых синели кровоподтеки.

– Постарайтесь поддержать его у груди подольше, а потом поспите, если сможете. Вы оба так настрадались за эти два дня.

Он был раздавлен и безутешен. Как жить в этом мире, полном накала и сомнений? Он срыгнул молозивом на мать, и в последовавшие за этим мгновения расплывчатой пустоты обратил внимание на шторы, взбухающие ярким светом.

Ага, вот как здесь все устроено. Тебя пытаются очаровать и отвлечь всякими штуками, чтобы ты забыл о разлуке.

Впрочем, не стоит преувеличивать потерю. Прежний мир становился тесноват. Ближе к концу он отчаянно мечтал о свободе, но представлял себе ее совсем иначе: как возвращение в безбрежный океан своей юности, а не изгнание в этот жестокий край. И даже во сне ему не удавалось вернуться в океан: между ним и прошлым висела пелена ужаса и насилия.

Его медленно понесло к липким границам сна. Куда он попадет – в мир, где можно плавать и кувыраться, или обратно в мясорубку родовой палаты?

– Бедный мой малыш, тебе просто приснился дурной сон, – сказала мама, глядя его по голове.

Плач начал стихать.

Она поцеловала его в лоб, и он вдруг осознал: хоть они с мамой больше не вместе, мысли и чувства у них по-прежнему одни. Он содрогнулся от облегчения и принялся наблюдать за шторами.

Видимо, он заснул, потому что теперь в палате был папа, который уже болтал без умолку:

– Я сегодня посмотрел несколько квартир, и могу сказать, что дела наши плохи. Лондонский рынок недвижимости – это ад кромешный. Я склоняюсь к запасному варианту.

– А есть запасной вариант? Я забыла.

– Не менять жилье. Поделим кухню пополам, в кладовке будут храниться его игрушки, а кровать встанет на место холодильника.

– А швабры куда?

– Не знаю, куда-нибудь.

- А холодильник?

- В кладовку рядом со стиральной машиной.

- Не влезет.

- Откуда ты знаешь?

- Просто знаю, и все.

- Не суть... что-нибудь придумаем. Я пытаюсь рассуждать практично. С рождением ребенка многое меняется, знаешь ли. - Папа наклонился к маме поближе и прошептал: - В конце концов, мы всегда можем уехать в Шотландию.

Он научился быть практичным. Жена и сын тонут в луже смятения и чувств, и ему надо их спасти. Роберт чувствовал все, что чувствует он.

- Какие крошечные у него ручки, - сказал папа. - Он приподнял ладошку Роберта мизинцем и поцеловал. - Можно мне его подержать?

Мама протянула его папе:

- Обязательно поддерживай головку. Шея у него пока слабая.

Все занервничали.

- Так? - Папина рука поползла вдоль позвоночника и скользнула Роберту под голову.

Он постарался успокоиться: не хотелось расстраивать родителей.

- Вроде бы. Я и сама толком не знаю.

- Ох... Как это нам позволили завести ребенка без лицензии? В наше время даже собаку без лицензии не купишь; да что там собаку - телевизор! Может, позovem нянечку - пусть нас научит? Как бишь ее...

- Маргарет.

- Кстати, где Маргарет будет спать до нашего отъезда к маме?

- Говорит, диван ее вполне устроит.

- Да, но устроит ли она диван...

- Ну что ты такое говоришь? Она, между прочим, на «химической диете».

- Как любопытно! Няня прямо открывается мне новыми гранями.

- Она очень опытная.

- А мы - разве нет?

- Я про младенцев.

- Ах да, младенцы...

Отец потерся об него колючей щекой и чмокнул в ухо.

- Зато мы его обожаем, - сказала мама сквозь слезы. - Разве этого не достаточно?

- Быть обожаемым двумя недоделанными родителями в убогой квартирке? Слава богу, у него есть поддержка в лице двух бабушек: у одной вечный отпуск, а вторая так печется о планете, что не способна порадоваться рождению очередного вандала, который с малолетства примется транжирить ее драгоценные ресурсы. Дом моей матери уже настолько полон шаманских погремушек, всяких «тотемных животных» и «внутренних детей», что настоящий ребенок там не поместится.

- Все будет хорошо. Мы больше не дети, мы - родители.

– Нет, мы – и то и другое, в этом вся беда. Знаешь, что мне на днях сказала мама? На ребенка, рожденного в развитой стране, тратится в двести сорок раз больше ресурсов, чем на ребенка, рожденного в Бангладеш. Если б нам хватило самоотверженности усыновить двести тридцать девять бангладешских детей, она оказала бы нам куда более теплый прием, но этот новорожденный Гаргантюа, который забрасает грязными подгузниками десятки свалок, а потом, желая поиграть в крестики-нолики с виртуальным приятелем из Дубровника, начнет клянчить компьютер, вычислительная сила которого позволит запустить ракету на Марс, не заслуживает ее одобрения. – Папа умолк. – Все нормально?

– Я счастлива как никогда. – Мама вытерла рукой мокрые щеки. – Просто чувствую себя такой пустой.

Она поднесла голову младенца к груди, и тот принялся сосать. В рот полилась тонкая струйка знакомых ощущений из прежнего дома: они с мамой вновь были вместе. Он чувствовал ее сердцебиение. Покой окутал его с ног до головы, как новая утроба. Может, здесь не так уж и плохо – просто сюда трудно попасть.

Вот все, что Роберт запомнил о первых днях своей жизни. Воспоминания вернулись к нему в прошлом месяце, когда у него родился младший брат. Вполне может быть, что разговор родителей он подслушал недавно, но их слова напомнили ему о времени, проведенном в роддоме, так что воспоминания в любом случае были достоверны и принадлежали ему.

Роберт был одержим собственным прошлым. Недавно ему исполнилось пять лет. Целых пять лет – он больше не малыш, как Томас. Младенческая пора его жизни заканчивалась, и среди поздравительных воплей и оваций, сопровождавших каждый его шаг навстречу совершеннолетию, слышался шепоток сожаления. Что-то случилось, когда он освоил речь. Старые воспоминания начали обваливаться, как оранжевые глыбы с утеса за его спиной, и падать во всепоглощающее море, которое лишь сверлило его пристальным взглядом, когда он пытался в него заглянуть. На смену младенчеству приходило детство. Роберту отчаянно хотелось вернуть прошлое, ведь иначе оно целиком достанется Томасу.

Роберт обогнал родителей с братом и Маргарет и теперь неуклюже пробирался по скалам к грохочущей гальке нижнего пляжа, держа в вытянутой руке

ободранное пластиковое ведро с прыгающими дельфинами на боку. Сверкающие камешки, которые обсыхали и тускнели, прежде чем он успевал похвастаться находкой, больше его не манили. Теперь он охотился за обкатанными морем мармеладными стеклышками, что прятались под черной и золотистой галькой на берегу. Даже обсохнув, они излучали какой-то мутноватый, пришибленный свет. Отец рассказывал, что стекло делают из песка, – выходит, эти стеклышки были уже на полпути туда, откуда пришли.

Роберт выскочил на берег. Оставив ведро на высоком валуне, он начал охоту. Когда вода вспенилась у его ног и отхлынула, он принялся разглядывать пузырящийся песок. Подумать только, уже под первой волной его ждала ценная находка: не бледно-зеленая или молочно-белая бусина, а редкий желтый самоцвет. Он вытащил его из песка, ополоснул в накатившей волне, зажал между большим и указательным пальцем и поднял на свет – янтарное бобовое зернышко. Очень хотелось поделиться с кем-нибудь своим восторгом, но родители возились с малышом, а няня что-то искала в сумке.

Та же няня – Маргарет – присматривала и за ним, когда он только родился. Роберт ее помнил. Тогда все было иначе, ведь он был у мамы один. Маргарет говорила, что готова «часами трепаться о чем угодно», но на самом деле болтала только о себе. Папа называл ее «великим теоретиком диетологии». Роберт точно не знал, что это такое, но, похоже, именно из-за этого она стала такой толстой. Вообще-то, на сей раз родители хотели сэкономить на няне, однако в последний момент – перед самым отъездом во Францию – вдруг передумали. И чуть было не передумали снова, когда узнали, что в такие короткие сроки агентство может предложить им только услуги Маргарет.

– Что ж, вторая пара рук мне в любом случае не помешает, – рассудила мама.

– Да, но к этим рукам, увы, прилагается еще и рот, – сказал отец.

Роберт познакомился с Маргарет сразу после приезда из роддома. На родительской кухне он очнулся в ее тряских объятьях.

– Я поменяла его высочеству подгузник, так что попка у нас сухая, – сообщила она матери.

– Как мило с вашей стороны, – сказала мама. – Благодарю!

Роберт сразу почувял, что Маргарет другая. Слова хлестали из нее сплошным потоком, как вода из переполненной ванны. Мама говорила редко и мало, но зато ее речь была похожа на объятья.

- Как ему спится в кроватке? - спросила Маргарет.

- Если честно - не знаю, он вчера спал с нами...

Маргарет утробно зарычала.

- Хмммм... Дурные привычки заводите!

- Он не хотел засыпать у себя.

- И никогда не захочет, если будете и дальше оставлять его в своей кровати.

- «Никогда» - это слишком громко сказано. До минувшей среды он жил у меня в животе, инстинкты подсказывают мне не торопить события. Хочу все делать постепенно.

- Что ж, не стану спорить с вашими инстинктами, милочка, - выплонула Маргарет, - но мой сорокалетний опыт позволяет делать определенные выводы. Мамочки на руках меня носили за то, что я укладывала их детей в кроватку. Вот недавно мне позвонила одна бывшая клиентка - арабка, между прочим, милейшая женщина - и сказала: «Ах, зря я вас не послушала, нельзя было спать вместе с Ясмин! Теперь не могу ее отучить». Она хотела пригласить меня снова, но я отказалась. Говорю: «Извините, голубушка, но у меня начинается новая работа: в июле я отправляюсь на юг Франции, мы будем жить у бабушки ребенка».

Маргарет потрянула головой и зашагала по кухне, обрушив на лицо Роберта лавину хлебных крошек. Мама промолчала, однако няня не унималась:

- Помимо всего прочего, это нехорошо по отношению к малышу! Они так любят спать в своих кроватках. Впрочем, я просто привыкла все делать на свой лад - ведь это мне потом не спать по ночам.

В комнату вошел отец и поцеловал Роберта в лоб.

- Доброе утро, Маргарет. Надеюсь, вы хорошо спали? Нам-то поспать не удалось.

- Да, спасибо, диван вполне удобный. Но, разумеется, я буду только рада отдельной комнате - когда мы приедем к вашей матушке.

- Очень на это рассчитываю, - сказал отец. - Вы все собрали? Такси приедет с минуты на минуту.

- Ну, времени разобрать чемоданы у меня не было, верно? Я только панаму достала - на случай, если там будет жарить солнце.

- Там всегда жарит солнце. Моя мать может жить только в условиях глобального потепления, на меньшее она не согласна.

- Что ж, нам в Ботли глобальное потепление бы не помешало.

- Лучше молчите об этом, если хотите получить хорошую комнату при Фонде.

- При каком-таким фонде?

- О, моя матушка ведь основала Трансперсональный фонд, вы не слышали?

- То есть вы не унаследуете ее дом?

- Нет.

- Страсти какие!.. - Бледная восковая физиономия Маргарет нависла над Робертом, с новой силой посыпая его лицо хлебными крошками.

Роберт почувствовал, что отец раздосадован.

- Его такими новостями не проймешь, - сказала мама.

Все одновременно пришли в движение. Маргарет в панаме шла первой, за ней плелись родители Роберта с вещами. Его вынесли на улицу – туда, откуда шел свет. Он был потрясен. Мир показался ему родовой палатой, в которой со всех сторон неслись крики новой честолюбивой жизни. Ветви лезли вверх, листья трепетали, по залитому светом небу плыли кучевые горы с размытыми краями. Роберт чувствовал мысли мамы, чувствовал мысли отца и чувствовал мысли Маргарет.

– Ему понравились облака, – заметила мама.

– Он их пока не видит, голубушка, – сказала Маргарет. – В этом возрасте они еще не могут фокусироваться на предметах.

– Даже если он не видит их так, как видим мы, это не мешает ему смотреть, – сказал отец.

Маргарет фыркнула и села в гудящее такси.

Роберт неподвижно лежал на коленях матери, но земля и небо за окном куда-то скользили. Раз вокруг все движется, значит он тоже находится в движении? Свет отражался от окон, проплывавших мимо домов, со всех сторон на Роберта накатывали разнообразные вибрации, а потом между зданиями впереди развернулся каньон, и по лицу Роберта пополз клин солнечного света, от которого его веки изнутри стали оранжево-розовыми.

Они ехали к бабушке, в тот же дом, где жили и теперь, спустя неделю после рождения брата.

2

Роберт сидел на подоконнике в своей комнате и играл с собранными на берегу бусинами, выкладывая из них разные узоры. За москитной сеткой (порванной и залатанной) зеленела масса спелых листьев росшего на террасе платана. Когда дул ветер, листья издавали звук, похожий на чмоканье. Если начнется пожар, будет очень удобно выбираться по ветвям платана из комнаты – но, с другой

стороны, по ним же в комнату может залезть похититель. Раньше мысли о похитителях никогда не приходили ему в голову, а теперь он только об этом и думал. Мама рассказывала, что младенцем он очень любил лежать в колыбельке под ветвями платана. Теперь, заключенный в скобки из родителей, там лежал Томас.

Маргарет должна была завтра уехать – слава богу, сказал отец. Родители дали ей лишней выходной, но она уже вернулась из деревни и обрушила на них роковую весть. Роберт вразвалку зашагал по комнате, изображая Маргарет, затем вернулся к окну. Все считали, что он великолепно пародирует людей. Воспитатель пошел еще дальше и выразил надежду, что «мальчик сумеет направить свой зловещий дар в конструктивное русло». И действительно, когда Роберта заинтриговывала какая-нибудь ситуация – в данном случае возвращение Маргарет, – он мог почувствовать и воспринять все, что захочет. Он прижался лицом к москитной сетке, чтобы получше рассмотреть происходящее внизу.

– О-о, какая жарница! – причитала Маргарет, обмахиваясь журналом по вязанию. – Представляете, в Бандоле нет зернового творожка. И продавцы в супермаркете не говорят по-английски! «Зерновой творог, – твержу я им, показывая на фотографию пшеницы в хлебном отделе. – Зерно, только из молока!» Но они так и не сообразили, что я имела в виду.

– Редкие тупицы, – заметил отец. – Вы ведь дали им превосходную подсказку!

– Хм... В общем, пришлось вместо творога набрать французских сыров, – сказала Маргарет, присаживаясь на невысокий каменный заборчик. – Как малыш?

– Немного устал, – ответила мама.

– Конечно – на такой-то жаре! – воскликнула Маргарет. – Мне кажется, на пароме со мной случился тепловой удар. Зажарилась до хрустящей корочки. Почаще давайте ему воду, голубушка. По-другому он не может охладиться – потеть в таком возрасте они еще не умеют.

– Очередное досадное упущение. Потеть не умеют, ходить не умеют, говорить не умеют... Читать, водить машину и выписывать чеки тоже не умеют! А вот жеребята умеют стоять уже спустя несколько часов после рождения. Если бы лошади пользовались услугами банков, они бы и тут людей обскакали: им бы

уже к концу недели открыли кредит.

– Лошадям банки ни к чему.

– Да уж... – бессильно выдохнул Патрик.

Через мгновение восторженная песнь цикад заглушила голос Маргарет, и Роберту показалось, что он в точности помнит свои ощущения той поры, когда он лежал в колыбельке под прохладной сенью платанового дерева, слушая, как сплошная стена стрекота рушится, уступая место голосу одной-единственной цикады, а потом вновь поднимается сухой неистовый треск. Звуки, образы, впечатления падали в сознание Роберта и оставались лежать на месте, он их не трогал. В той прохладной зеленой тени объяснения предметам и явлениям находились сами собой, но не потому, что он понимал, как все устроено, а потому, что знал собственные мысли и чувства и не должен был никому их объяснять. Если хотелось поиграть со своими мыслями, никто не мог ему помешать. Роберт просто лежал в колыбельке, ничего опасного не делал. Иногда он воображал себя тем предметом, на который смотрел, а иногда представлял, что оказался в пространстве между собой и этим предметом. Но больше всего ему нравилось просто глядеть, никем себя не воображать и не смотреть прицельно, а словно бы парить в этом рассеянном взгляде, как ветер, что возникает ниоткуда и дует просто так, никуда особо не стремясь.

Брат, наверное, тоже сейчас парил, лежа в старой колыбельке Роберта. Взрослые ничего не понимают в парении. В этом их беда: они всегда хотят быть в центре внимания, заваливают тебя едой, принуждают спать, отчаянно пытаются научить тому, что знают сами, и забыть то, что сами забыли. Роберт ненавидел спать. Так ведь можно пропустить самое интересное: пляж с желтыми стеклышками, скачущего по сухой траве кузнечика, чьи крылья похожи на отлетающие от ног искры.

Роберт любил жить у бабушки. С тех пор как он родился, они приезжали сюда раз в год, но зато – каждый год. Ее дом назывался Трансперсональный фонд. Роберт не очень-то понимал, что это значит, и остальные, похоже, тоже не понимали, даже Шеймус Дурк, который в этом фонде был самый главный.

– Твоя бабушка – чудесная женщина, – сказал он однажды Роберту, глядя на него темными мерцающими глазками. – Она помогла множеству людей обрести

СВЯЗЬ.

– С чем? – не понял Роберт.

– С другой реальностью.

Порой он не уточнял у взрослых, что они имеют в виду, поскольку его бы приняли за идиота, а иногда – потому что идиотами были они сами. В данном случае верно было и то и другое. Роберт обдумал слова Шеймуса и не понял, откуда взялась эта другая реальность. Состояний ума действительно может быть несколько, и реальность вмещает их все. Так он и сказал матери, на что она ответила: «Да ты мой умница», но как-то рассеянно, не обращая особого внимания на его теоретизирование, хотя раньше обращала. Теперь же она всегда бывала слишком занята. Взрослые не понимали, что ему в самом деле очень нужно получить ответ.

Брат, дремавший под платаном, внезапно закричал. Роберту захотелось, чтобы он перестал плакать. Младенчество младшего брата глубинной бомбой взрывалось в его памяти. Крики Томаса напоминали ему о собственной беспомощности: о беззубых ноющих деснах, о произвольных подергиваниях рук и ног, о мягкости родничка, который можно было пробить одним движением пальца и сразу же попасть в растущий мозг. Он вспоминал, как целыми днями на него сыпались предметы без названий и названия без предметов, и еще – смутное чувство: мир до дикой банальности детства, до того, как ему нужно было первым выбежать на свежесвыпавший снег и разрушить его идеальную белизну, и даже до того, как он осознал себя зрителем, глядевшим в окно на белый пейзаж, когда разум его сам был подобен полям безмолвного хрустала, еще ждущего вмятины от упавшей ягоды.

Роберт видел во взгляде Томаса такие состояния разума, которых при всем желании не мог бы изобрести сам. Они возникали в чахлой пустыне его опыта подобно мимолетным пирамидам. Откуда они брались? Порой он ощущал себя маленьким зверьком, тревожно нюхающим воздух, а уже несколько секунд спустя, примирившись со всем миром, излучал вселенский покой. Роберт чувствовал, что не мог взять и выдумать эти сложные состояния, и Томас тоже не мог. Просто его младший брат пока не знал, что знает, и еще не начал рассказывать себе историю о происходящем вокруг. Он был слишком мал и еще не обзавелся необходимым для рассказывания историй объемом внимания. Роберту придется делать это за него. Разве не для этого нужен старший брат?

Он уже попался в ловушку нарратива, так что можно и младшего с собой прихватить – тем более тот по мере сил помогает Роберту сложить воедино кусочки его собственной истории.

Внизу, одержав победу над стрекотом цикад, вновь раздался зычный голос Маргарет.

– Кормящая мать должна хорошо питаться, – начала она вполне разумно. – Нет ли у вас диетического печенья? Или каких-нибудь печенюшек к чаю? Ими можем перекусить прямо сейчас. А после необходим плотный, богатый углеводами обед. На овощи не налегаем, от них у малыша будет вздутие. Подойдет ростбиф и йоркширский пудинг, на гарнир печеный картофель, а к чаю – пара ломтиков бисквита.

– Господи, в меня же столько не влезет! В моей книжке написано, что можно есть рыбу и овощи гриль, – ответила его усталая, худая, элегантная мама.

– Немного овощей не повредит, – проворчала Маргарет. – Но никакого лука, чеснока и пряностей. Одна мамаша в мой выходной наелась карри. Возвращаюсь я домой, а ребенок орет как резаный. «На помощь, Маргарет! Мамочка устроила революцию в моем животике!» Лично я всегда говорю: «Принесите мне мяса и гарнир из двух видов овощей, но если овощей нет – ничего страшного».

Роберт запихнул под футболку подушку и ковылял по комнате, изображая Маргарет. Когда его голова наполнялась чьими-то словами, он не мог молчать. Он так увлекся этим делом, что не заметил вошедшего в комнату отца.

– Что это ты делаешь? – спросил Патрик, смутно догадываясь об ответе.

– Изображаю Маргарет.

– Не хватало нам второй Маргарет! Идем пить чай.

– Я и так объелся, – ответил Роберт, поглаживая подушку. – Пап, когда Маргарет уедет, я сам могу давать маме вредные советы по уходу за малышами. Совершенно бесплатно!

– Жизнь определенно налаживается, – сказал папа, протягивая ему руку. Роберт застонал, встал с пола, и они вдвоем пошли вниз, радуясь своей тайной шутке.

После чая Роберт отказался выходить на улицу вместе со всеми – они только и делали, что говорили о младенце и строили догадки о его мыслях, – и пошел наверх. Но решение это с каждой ступенькой давило на Роберта все сильнее, а наверху он окончательно передумал: плюхнулся на пол и стал смотреть между балясинами вниз, гадая, заметят ли родители его печальное и обиженное отсутствие.

На полу коридора, залезая на стены, лежали косые прямоугольники вечернего света. Один солнечный луч откололся и, угодив в зеркало, задрожал на потолке. Томас пытался про это рассказать. Мама, прочитав мысли сына, поднесла его к зеркалу и показала то место, где свет отражался от блестящей поверхности.

Папа принес Маргарет стакан с ярко-красной жидкостью.

– О-о, спасибо большое! Не знаю, стоит ли мне сейчас пить спиртное, солнечный удар все-таки. Я здесь прямо как на курорте – вы такие заботливые родители, мне и делать-то ничего не приходится. Ах, гляньте, малыш любит свое отражение в зеркале! – Она обратила розовый блеск своего лица на Томаса. – Ты не можешь понять, здесь ты или там, правда?

– Мне кажется, он в состоянии сообразить, что находится в собственном теле, а не размазан по стеклу, – сказал отец. – Он ведь пока не прочел эссе Лакана о стадии зеркала – с этого обычно начинается весь сыр-бор.

– Что ж, в таком случае мы остановимся на Кролике Питере, – хихикнула Маргарет, глотнув красной жидкости.

– Я очень хочу пойти с вами погулять, – сказал папа, – но мне нужно срочно ответить на миллион важных писем.

– О-о, папочка будет отвечать на важные письма! – запричитала Маргарет, обдавая лицо Томаса красным запахом. – Придется тебе довольствоваться Маргарет и мамочкой!

Она неверной походкой направилась к выходу. Солнечный ромб на миг исчез с потолка, потом вспыхнул вновь. Родители Роберта молча уставились друг на друга.

Когда они вышли, он представил огромное пустое пространство, которое ощущал вокруг себя его брат.

Он украдкой спустился до середины лестницы и выглянул в открытую дверь. Золотой свет уже отвоевал верхушки сосен и камни цвета слоновой кости в оливковой роще. Мать вышла босиком на траву и села по-турецки под любимым перечным деревом, а Томаса положила в гамачок, получившийся из юбки, – одной рукой она придерживала его, а второй гладила по животу. На лице младенца плясали тени ярких зеленых листочков.

Роберт выбрел на улицу, не зная, куда себя деть. Никто его не звал, поэтому он отправился за дом – как будто с самого начала хотел спуститься ко второму пруду и посмотреть золотых рыбок. На глаза попала блестящая вертушка, которую Маргарет купила для Томаса возле карусели в Лакосте. Вертушка торчала из земли рядом с перечным деревом. Сверкающие колесики из золотой, серебряной, зеленой и голубой фольги крутились от ветра. «Здесь есть и яркие цвета, и движение – им такое нравится», – сказала Маргарет. А Роберт тут же выдернул вертушку из коляски и, размахивая ею в воздухе, помчался вокруг карусели. Палочка почему-то сломалась, и всем стало обидно за малыша, который даже не успел порадоваться новой блестящей игрушке. Отец задал Роберту миллион вопросов, хотя, в сущности, вопрос-то был один. Ты ревнуешь? Ты злишься, потому что Томасу достается все наше внимание и новые игрушки, да? Да? Да? Да? Роберт отвечал одно: «Я не нарочно». В самом деле, он не хотел ломать вертушку, но брата и впрямь ненавидел – и сам был тому не рад. Разве родители не помнят, как им было здорово втроем? Они так любили друг дружку, что даже короткая разлука причиняла боль. Разве им мало одного Роберта? Разве его не достаточно? Или он недостаточно хорош? Они сидели втроем на этой лужайке перед домом и бросали друг другу красный мяч (Роберт его припрятал, чтобы он не достался Томасу). Не важно, ловил он его или нет, все смеялись, и всем было хорошо. Зачем же они это испортили?

Быть может, он стал слишком взрослый. Малыши ведь лучше. Малышей чем угодно можно удивить. Взять хотя бы этот пруд с рыбками, в который Роберт сейчас швырял камешки. Мама однажды поднесла Томаса к пруду и, показывая на рыбок пальцем, говорила ему: «Рыбки». С Робертом такой номер бы не

прошел. И вообще, откуда брату было знать, что мама имела в виду именно рыбок, а не пруд, воду, водоросли, отражения облаков? Да и видел ли он самих рыб? Как он может понять, что слово «рыбки» означает рыб, а не какой-нибудь цвет или действие?

Когда наконец освоишь слова, кажется, что мир – это все, что можно описать. Но ведь мир – это еще и то, что описать нельзя. В каком-то смысле вещи казались более совершенными, когда он вообще ничего не мог описать. После рождения брата Роберт стал гадать, каково это – опираться только на собственные мысли. Стоит научиться говорить, тебе останется лишь без конца тасовать замусоленную колоду из нескольких тысяч слов, которыми до тебя уже пользовались миллионы людей. Бывают редкие моменты свежести, но не тогда, когда удастся облечь в слова жизнь мира, а когда из этой мысленной субстанции чудом рождается новая жизнь. Однако и до того, как слова перемешались с мыслями, мир то и дело взрывался ослепительными вспышками на небосводе его внимания.

Вдруг закричала мама:

– Что вы с ним сделали?!

Роберт выбежал из-за угла террасы как раз в тот миг, когда отец вылетел из дому. Маргарет лежала на лужайке, а Томас распластался у нее на животе.

– Все хорошо, голубушка, все хорошо, – ответила она маме. – Гляньте, он уже и плакать перестал! Весь удар пришелся на мою пятую точку. Опыт и выучка что-то да значат. Я, наверно, сломала палец, но незачем беспокоиться о глупой старухе, раз малыш цел и невредим.

– Впервые слышу от вас мудрые слова, – прошипела мама, которая никогда и ни о ком не отзывалась дурно.

Она выхватила Томаса у Маргарет и осыпала поцелуями его голову. Видно было, что ее распирает злость, но по мере того, как она целовала сына, все нехорошее утонуло в нежности.

– Он цел? – спросил Роберт.

- Вроде да, - ответила мама.

- Надеюсь, с ним все будет хорошо, - сказал Роберт, и они вместе ушли в дом, оставив Маргарет лежать на земле и возмущаться в одиночестве.

На следующее утро они спрятались от Маргарет в родительской спальне. Днем отцу предстояло везти ее в аэропорт.

- Что ж, пора спускаться, - сказала мама, застегивая комбинезончик Томаса и подхватывая его на руки.

- Не-ет! - завыл папа и плюхнулся на кровать.

- Ну что за детский сад?

- Когда у тебя появляется ребенок, ты и сам начинаешь ребячиться, заметила?

- У меня нет времени на ребячество, это привилегия отцов.

- Если бы ты нашла нормальную помощницу, время бы нашлось.

- Идем! - Мама протянула папе свободную руку.

Он легонько ее стиснул, но не сдвинулся с места.

- Не могу решить, что хуже, - сказал он, - разговаривать с Маргарет или слушать ее.

- Слушать, - проголосовал Роберт. - Именно поэтому после отъезда Маргарет я буду постоянно ее изображать.

- Вот спасибо, - сказала мама. - Смотри, твоя безумная идея даже Томаса насмешила. Он улыбается!

– О нет, голубушка, это не улыбка, – проворчал Роберт, – это газы терзают его крошечные внутренности.

Все засмеялись, а мама тут же прошептала:

– Ш-ш-ш, она нас услышит!

Напрасно – Роберт твердо решил всех позабавить. Покачивая бедрами из стороны в сторону, чтобы смягчить продвижение вперед, он подплыл к маме.

– Ваша наука для меня не аргумент, голубушка, – сказал он. – Я же вижу, ему не нравится эта смесь, пусть она и сделана из молока органических коз. Помню, работала я как-то в Саудовской Аравии – моя клиентка была принцессой, между прочим... Так вот, я им говорю: «Извините, но с этой смесью я работать не могу, мне нужен „Золотой стандарт“ фирмы „Кау энд Гейт“». А они: «Конечно, Маргарет, у вас ведь такой большой опыт, мы вам полностью доверяем». И представляете, привезли мне нужную смесь на своем частном самолете.

– Как ты все это запомнил? – спросила его мама. – Ужас какой! Я тогда ответила Маргарет, что частного самолета у нас, увы, нет.

– Ну да, деньги у них водились, – продолжал Роберт, гордо тряхнув головой. – Как-то раз я мимоходом заметила, что у принцессы очень красивые тапочки. Не успела я глазом моргнуть, а в спальне меня уже ждали точно такие же! Похожая история приключилась с фотоаппаратом принца. Признаю, мне было очень неловко. Потом я каждый раз говорила себе: «Маргарет, тебе надо научиться молчать!» – Роберт погрозил себе пальцем, уселся рядом с папой на кровать и, горько вздохнув, продолжил: – Но слова сами срывались с губ. Знаете, как это бывает – обронишь случайно что-нибудь вроде: «Ах, какая красивая шаль, голубушка, какая мягкая ткань!», и вечером точно такой же платок лежит на твоей кровати. В конце мне даже пришлось купить новый чемодан для их подарков.

Родители изо всех сил пытались не шуметь, но удержаться от смеха не могли. Когда Роберт выступал, они совсем не обращали внимания на Томаса.

– Ну вот, как мы теперь спустимся в столовую? – Мама присела к ним на кровать.

– Это невозможно, – сказал папа. – Выход перекрыт силовым полем.

Роберт подбежал к двери и сделал вид, что его отбросило назад.

– А-а! – закричал он. – Это поле Маргарет! Нам не пройти, капитан!

Он немного покатался по полу, а затем снова залез в кровать к родителям.

– Мы словно гости из «Ангела-истребителя», собравшиеся на званый ужин, – заметил папа. – Проторчим здесь несколько дней, а потом нас будут вызывать полицейские и солдаты...

– Надо взять себя в руки, – сказала мама. – Давайте расстанемся с ней по-хорошему.

Никто не шевельнулся.

– Как думаешь, почему нам так трудно выйти из комнаты? – принялся гадать папа. – Быть может, мы сделали из Маргарет козла отпущения? Мы чувствуем вину перед Томасом за то, что не можем уберечь его от страданий, которые выпадают на долю любого человека, и подсознательно пытаемся свалить вину на Маргарет – что-то в этом духе.

– Давай не будем все усложнять, милый... – сказала мама. – Она просто ужасная зануда и не способна ухаживать за Томасом. Поэтому мы и не хотим больше ее видеть.

Тишина. Томас уснул, и все приняли негласное решение помолчать. Роберт потянулся, закинул руки за голову и принялся разглядывать потолочные балки. На дереве проступила знакомая картинка из пятен и сучков: профиль носатого человека в шлеме. Сперва Роберт мог видеть его или не видеть по желанию, но через минуту-другую лицо отказалось исчезать, обзавелось безумными глазами и впалыми щеками. Мальчик хорошо знал этот потолок: раньше в комнате спала бабушка и он частенько сюда приходил. Сама бабушка теперь жила в доме престарелых. Роберт все еще помнил древнюю фотографию в серебряной рамке у нее на столе: снимок будоражил его воображение, поскольку бабушке на нем было всего несколько дней от роду. Малышка лежала на груди мехов, шелков и

кружев, а на голове у нее красовался расшитый бисером тюрбан. Бабушкин взгляд был на удивление пронзителен – Роберту казалось, что она пришла в ужас от этой кучи барахла, накопленного неумной матерью.

– Люблю эту фотографию, – говорила бабушка. – Она напоминает мне о той поре, когда я только появилась на свет и была ближе к источнику.

– Какому источнику? – не понял Роберт.

– Ближе к Богу, – застенчиво пояснила она.

– Лицо у тебя не очень-то довольное, – заметил он.

– Мне кажется, так выглядит человек, который еще не все забыл... Впрочем, ты прав. С материальным миром я никогда не ладила.

– Что такое материальный мир?

– Земной шар, – ответила бабушка.

– Ты бы лучше жила на Луне?

Она с улыбкой погладила его по щеке и ответила:

– Однажды ты все поймешь.

Теперь вместо фотографии на столе разместились пеленальный матрасик, таз с водой и стопка подгузников.

Он любил бабушку, хотя она и передумала оставлять им свой дом. Ее лицо затягивала паутина морщинок, возникших от постоянных попыток быть хорошей, от бесконечных волнений о судьбе мира и Вселенной, от переживаний за всех несчастных и обездоленных, с которыми она даже не была знакома, от мыслей о планах Господа на ее дальнейшую жизнь. Папа не считал ее хорошей – одного желанья для этого мало, полагал он. И часто повторял Роберту, что надо любить бабушку, «несмотря ни на что». Так Роберт понял, что папа ее больше не любит.

- Томас будет помнить это падение до конца жизни? - спросил он у папы, не отрывая глаз от потолка.

- Ну что ты, - ответил тот. - Никто не помнит, что с ним происходило сразу после рождения.

- А я помню, - сказал Роберт.

- Надо как-то его развеселить, - сменила тему мама, явно не желая заострять внимание родных на вранье Роберта. Но он не врал. Ни капельки.

- Зачем его веселить, он даже не ушибся. И наверняка подумал, что валяться на животе у барахтающейся Маргарет - обычное дело в этом мире. Да мы сами больше перепугались, чем он!

- Поэтому и надо его развеселить. Он ведь чувствует наше беспокойство.

- В каком-то смысле ты права, - признал папа. - Но в мире младенцев царит демократия странности. С ними все происходит впервые - а удивляют, скорее, повторения определенных событий и явлений.

Все-таки малыши - это классно, рассудил Роберт. Можно придумывать и говорить о них что в голову взбредет, возразить-то они не могут.

- Уже двенадцать, - вздохнул отец.

Все они пытались побороть лень, но желание сбежать от неприятных обязанностей загоняло их глубже и глубже в зыбкую мякоть матраса. Роберту хотелось задержать родителей еще на чуть-чуть.

- Иногда, - мечтательно заговорил он голосом Маргарет, - когда я в перерывах между семьями живу дома, у меня прямо руки начинают чесаться. Так хочется потрогать младенчика! - Он схватил Томаса за ножку и сделал вид, что хочет его сожрать.

- Аккуратней, - сказала мама.

– Между прочим, он прав, – заметил папа. – Дети – ее наркотик. Они нужны ей куда больше, чем она нужна им. Малышам позволено быть жадными и думать только о себе, вот она и использует их для маскировки.

После моральных усилий, приложенных, чтобы вылезти из комнаты и наконец посвятить общению с Маргарет еще час своей жизни, всем стало даже как-то обидно, когда в гостиной ее не оказалось. Мама ушла на кухню, а папа с Робертом сели на диван, положив посередине Томаса. Тот увлекся разглядыванием картины, висевшей на стене прямо над диваном, и замолчал. Роберт опустил голову на один уровень с его головой и понял, что самой картины Томас не видит: мешают блики на стекле. Сразу вспомнилось, что и его в раннем детстве увлекали стекла. Казалось, отраженное от поверхности изображение затягивает его все глубже в пространство за его спиной. В этом стекле отражалась дверь, а за дверью – олеандр, цветы которого мерцали крошечными розовыми огоньками на глянцевой поверхности. Роберт сосредоточил внимание на исчезающих пятнах неба между ветвями олеандра и тут же в своем воображении перенесся в настоящее небо: разум его стал подобен двум конусам, соприкоснувшимся вершинами. Он был там с Томасом, точнее, Томас был с ним: они вместе мчались в бесконечность на лоскутке света. Вдруг Роберт заметил, что цветы исчезли: дверной проем перегородил чей-то крупный силуэт.

– Маргарет пришла, – сказал он.

Папа обернулся, а Роберт продолжал наблюдать за отражением: Маргарет горестно понесла свою тушу в их сторону. В нескольких футах от дивана она остановилась.

– Все живы-здоровы, – полувопросительно-полуутвердительно сказала она.

– Ребенок вроде цел, – ответил папа.

– Надеюсь, это не повлияет на ваш отзыв?

– Какой отзыв? – спросил папа.

– Ах так! – возмутилась Маргарет – полуобиженно-полусердито, но очень гордо.

- Пойдемте обедать, - предложил папа.

- Спасибо, я, пожалуй, обойдусь без обеда, - ответила Маргарет.

Она повернулась к лестнице и начала свое утомительное восхождение.

Роберт вдруг не выдержал.

- Бедная Маргарет, - сказал он.

- Бедная Маргарет, - кивнул отец. - Что мы будем без нее делать?

3

Роберт наблюдал, как муравей прячется за запотевшей бутылкой белого вина на столе. Вдруг по светло-зеленому стеклу, оставляя за собой идеально ровный и гладкий след, покатила капля влаги. Муравей показался вновь - увеличенный стеклом, он лихорадочно сучил лапками, пробуя блестящий кристалл сахара, просыпанного Джулией во время послеобеденного кофе. Над их головами лениво полоскал на ветру брезентовый навес, и почти в такт его медленным движениям то нарастал, то спадал стрекот цикад. Мама отдыхала с Томасом, Люси смотрела кино, а Роберт остался на улице, хотя Джулия практически заставляла его присоединиться к Люси.

- По большей части люди ждут смерти родителей с чувством невероятной грусти и мечтами о новом бассейне, - говорил папа, беседуя с Джулией. - Раз уж о бассейне мне мечтать не приходится, я решил заодно отказаться и от грусти.

- А нельзя притвориться шаманом и все-таки заполучить в наследство дом? - спросила Джулия.

- Увы, я редкая особь человеческого вида, начисто лишенная целительных способностей. Все вокруг уже давно открыли в себе внутреннего шамана, а я по-прежнему сижу в западне собственных материалистических взглядов на устройство Вселенной.

– В таких случаях выручает лицемерие, – сказала Джулия. – У меня рядом с домом открылся магазин «Радужный путь». Если хочешь, куплю тебе барабан и пучок перьев.

– От твоих слов я сразу ощутил прилив магической силы, – зевнув, сказал папа. – Оказывается, и я могу быть чем-то полезен здешнему славному племени. Я и не догадывался об этом, пока не открыл в себе удивительный дар ясновидения.

– Во-от, – одобрительно протянула Джулия. – У тебя получается. Оглянуться не успеешь, как станешь здесь главным шаманом.

– Ну нет, мне и без спасения мира хватает забот.

– Порой, ограничивая себя одной лишь заботой о детях, люди ставят крест на собственной жизни, – со строгой улыбкой произнесла Джулия. – Со временем дети становятся личностями – цельными или ущербными, – они откладывают свое счастье на потом, пьют беспробудно или знают меру, сдаются, разводятся или сходят с ума. Та часть тебя, что отвечает за борьбу с депрессией и разложением, полностью переключается на защиту детей от депрессии и разложения. Тем временем погружаешься в депрессию и разлагаешься ты сам.

– Не согласен, – ответил папа. – Когда борешься только за себя, приходится быть злым и постоянно держать оборону...

– Весьма полезные качества, – перебила его Джулия. – Вот почему так важно не слишком хорошо относиться к своим детям – иначе они не выдержат конкуренции в настоящем мире. Если хочешь, чтобы они стали, к примеру, продюсерами или топ-менеджерами, бесполезно забивать им голову представлениями о доброте, честности и порядочности. Не то из них вырастут клерки и секретари.

Роберт решил спросить у мамы, правда это или Джулия... ну просто такая. Она каждый год приезжала к ним в гости с дочерью Люси, заносчивой девчонкой на год старше его. Он знал, что мама не слишком жалуется Джулию, бывшую подружку отца. В ее присутствии мама начинала не только ревновать, но и немного скучать. Похоже, Джулия мечтала об одном – чтобы люди считали ее умной, и сама не знала, как это прекратить.

– По-настоящему умные люди просто думают вслух, – однажды сказала Роберту мама, – а Джулия думает, какое впечатление ее слова производят на окружающих.

А еще Джулия вечно пыталась подружить Роберта с Люси. Позавчера Люси хотела его поцеловать. Поэтому он и отказался смотреть с ней кино. Вряд ли его передние зубы выдержат еще одно такое столкновение. Странная все-таки теория – что ему полезно проводить время со сверстниками, даже если они ему не нравятся. Разве отец, например, пригласил бы на чай какую-нибудь женщину только потому, что ей сорок два года?

Джулия опять возилась с сахаром – крутила ложку в сахарнице.

– После развода с Ричардом меня то и дело настигают жуткие приступы головокружения. Такое чувство, что меня не существует.

– Знаю это чувство! – воскликнул Роберт, обрадовавшись хоть сколько-нибудь понятной ему теме.

– Ты еще слишком мал, чтобы знать. Наверно, ты просто слышал, как об этом говорят взрослые.

– Нет! – возмутился он столь несправедливой оценке. – Со мной правда такое случается.

– Ты его недооцениваешь, – сказал папа. – Роберт не по годам подкован в вопросах всяких ужасов. Но это ничуть не мешает его счастливому детству.

– Вообще-то, мешает, – вставил Роберт, – в тот момент, когда я это чувствую.

– Ах, когда чувствуешь... – со снисходительной улыбкой произнес папа.

– Понимаю тебя, – сказала Джулия и накрыла ладонь Роберта своей. – В таком случае – добро пожаловать в мой клуб, милый.

Ему ни капли не хотелось быть членом ее клуба. Он сразу весь зачесался, потому что чувствовал непреодолимое желание отдернуть руку, но боялся показаться

невежливым.

- Я-то считала, что дети устроены проще взрослых. - Джулия убрала руку и положила ее на папино плечо. - Мы как ледоколы - неумолимо прокладываем себе путь к очередному предмету желаний.

- Что может быть проще, чем неумолимо прокладывать путь к очередному предмету желаний? - спросил папа.

- Не прокладывать.

- Самоотречение - это не так просто, как кажется.

- Самоотречением оно называется только в том случае, если у человека есть желания, - сказала Джулия.

- У детей полно желаний, - заметил папа. - Но ты права, - в сущности, они хотят одного: постоянно быть рядом с любимыми.

- Нормальные еще хотят смотреть «Индиану Джонса», - вставила Джулия.

- Нас проще отвлечь, - сказал папа, пропустив ее последние слова мимо ушей, - мы привыкли к культуре подмен и легче забываем, кого любим на самом деле.

- Неужели? - улыбнулась Джулия. - Как это мило.

- До известной степени, - сказал папа.

Роберт не понимал, о чем они говорят, но Джулия заметно повеселела. Видимо, подмена - это что-то замечательное. Не успел он спросить, что это такое, как их окликнул голос - ласковый голос с сильным ирландским акцентом:

- Есть тут кто?

- Ах ты черт... - проворкотал папа. - Босс пришел.

– Патрик! – тепло воскликнул Шеймус, шагавший к ним в яркой рубашке с пальмами и радугами. – Роберт! – Он бодро взъерошил ему волосы. – Какая приятная встреча! – сказал он Джулии, глядя на нее честными голубыми глазами и твердо пожимая ей руку. Все-таки дружелюбия и обходительности ему было не занимать. – Какое чудное местечко вы выбрали! Мы нередко устраиваемся тут после сеанса – люди плачут, смеются и просто привыкают к самим себе. Это настоящее место силы – место высвобождения колоссальной энергии. Да-да, – вздохнул он, будто бы соглашаясь с чьим-то мудрым замечанием. – На моих глазах люди не раз избавлялись здесь от бремени...

– К слову, об «избавлении от бремени»... – Отец с отвращением вернул фразу Шеймусу, будто держа кончиками пальцев чей-то использованный носовой платок. – Открыв сегодня утром прикроватную тумбочку, я обнаружил внутри столько брошюр «Целительных барабанов», что мне было некуда положить паспорт. А в шкафу хранится пара сотен экземпляров книги «Путь шамана», которые, знаешь ли, стоят на пути моей обуви.

– Путь обуви, ха-ха! – повторил Шеймус и разразился здоровым громогласным смехом. – Неплохое название для книги о том, как поддерживать связь с реальностью.

– Не кажется ли тебе, что эти продукты корпоративной жизнедеятельности можно было удалить из спальни к нашему приезду? – стремительно и холодно отчеканил Патрик. – В конце концов, моя мать сама не раз говорила, что в августе дом возвращается к своей прежней инкарнации – то есть становится семейным гнездом.

– Конечно-конечно, – ответил Шеймус. – Прими мои извинения, Патрик. Это, наверное, Кевин и Анетта забыли. Перед возвращением в Ирландию они прошли процесс глубинного переустройства личности и, видимо, не уделили должного внимания подготовке комнаты к вашему приезду.

– Ты тоже вернешься в Ирландию?

– Нет, я пробуду здесь весь август, – сказал Шеймус. – Издательство «Пегас пресс» попросило написать для них небольшую книгу о работе шамана.

– Как любопытно! – воскликнула Джулия. – Вы, оказывается, шаман?

– Знаешь, я ознакомился с писаниной, что стояла на пути моей обуви, – заметил папа, – и у меня возникло несколько вопросов. Неужели ты двадцать лет ходил в помощниках у сибирской ведуньи? Коротким северным летом собирал целебные травы под полной луной? Был погребен заживо и переродился? Твои глаза слезились от дыма костров, когда ты молился духам и заговаривал умирающих? Ты пил мочу оленя, съевшего *Amanita muscaria*[1 - Мухомор красный (лат.)], дабы отправиться в другие миры и разгадать тайну сложного диагноза? Или, может быть, тебя угощали аяуаской шаманы индейских племен бассейна Амазонки?

– Нет, но я получил образование медработника в системе ирландского здравоохранения.

– Это, несомненно, адекватная замена погребению заживо, – сказал папа.

– Я много лет проработал в реабилитационном центре: отмывал лежачих пациентов от мочи и фекалий, кормил с ложечки стариков, которые не могли есть сами.

– Умоляю, не надо, – сказала Джулия, – мы ведь только что пообедали.

– В те годы такова была моя реальность, – сказал Шеймус. – Иногда я спрашивал себя, почему не получил полноценное медицинское образование, не окончил университет? Но теперь я благодарен судьбе за годы, проведенные в реабилитационном центре, – они помогли мне сохранить связь с реальным миром. Когда я открыл для себя холотропное дыхание и отправился в Калифорнию учиться у Стэна Грофа, я встретил немало людей не от мира сего, так сказать. Помню одну даму в платье цвета заката, которая представилась нам так: «Я Тамара из системы Веги, на Землю прилетела исцелять и обучать людей». Услышав это, я сразу вспомнил своих славных старичков из Ирландии: благодаря им я твердо стоял на земле.

– А это холо... как там его... тоже шаманская штука? – спросила Джулия.

– Нет, не совсем. Я изучал холотропное дыхание еще до того, как занялся шаманством, но все это, конечно, связано. Оно тоже помогает людям установить контакт с потусторонним, с другим измерением. После такого контакта в жизни

человека порой происходят радикальные перемены.

– Но я не понимаю, почему вы называете это благотворительностью. Люди ведь не бесплатно здесь живут? – спросила Джулия.

– Нет, не бесплатно, – ответил Шеймус. – Но выручка идет на стипендии для таких учеников, как Кевин и Анетта, которые хотят освоить шаманское дело. Они начали привозить сюда группы городских ребят из Дублина, которым мы разрешаем посещать курсы бесплатно. Чудесно видеть перемены в их сознании. Они интересуются музыкой транс и барабанами. Подходят ко мне и говорят: «Шеймус, это невероятно! Это как приход без наркотиков!» А потом передают весть своим городским друзьям, открывают там собственные шаманские группы.

– Ага, стало быть, твоя благотворительная организация помогает людям испытывать приходы, – сказал папа. – В нашем мире, полном невзгод и бедствий, ты находишь единицы несчастных, которые не способны ловить кайф самостоятельно. И потом, ну мечтают люди о приходах – так дай им дозу кислоты. К чему эта возня с барабанами?

– Сразу видно адвоката, – благодушно заметил Шеймус.

– Я только рад за людей, у которых есть хобби, – сказал папа. – Просто мне кажется, что заниматься им надо под уютной крышей родного дома.

– Увы, Патрик, не все дома` одинаково уютны.

– Да, об этом я знаю не понаслышке. Кстати, об уюте; нельзя ли прямо сейчас убрать из нашей комнаты книжки и прочий рекламный мусор?

– Конечно, – ответил Шеймус. – Конечно.

Они с папой встали и собрались уходить. До Роберта дошло, что он останется наедине с Джулией.

– Я вам помогу! – крикнул он и пошел с ними.

Папа повел их в дом и остановился практически на пороге.

– Все эти шуршащие буклеты у входа – реклама других центров, институтов, курсов исцеления, продвинутых уроков игры на барабанах – все это пропадает здесь зря. Я бы даже сказал, что мы и вовсе обойдемся без информационной доски, – заявил папа, снимая со стены упомянутую доску, – хотя мне очень даже по душе ее пробковое покрытие и разноцветные кнопки.

– Без проблем, – ответил Шеймус, заключая доску в объятия.

Несмотря на то что папа вел себя очень сдержанно, ясно было, что он буквально одурманен яростью и презрением. Роберт хотел прощупать и чувства Шеймуса, но тот как-то сразу закрылся. Постепенно мальчик пришел к ужасному выводу: Шеймус испытывает к его папе чувство жалости. Он прекрасно знает, кто тут главный, и поэтому без труда выносит нападки разъяренного ребенка. Эта гнусная жалость – своеобразный щит, который позволяет ему не ощущать на себе всей силы отцовского гнева. Роберт оказался между двух огней и, чувствуя страх и собственную беспомощность, незаметно выскользнул на улицу, а папа тем временем повел Шеймуса к месту очередного преступления.

На улице тень от дома уже напозла на клумбы, стоявшие на краю террасы: какой-то пассивной частью разума Роберт понял, что наступила середина дня. Цикады все стрекотали. Он видел, не глядя, и слышал, не слушая; кроме того, он сознавал, что в данный момент ни о чем не думает. Его внимание, обычно скакавшее от одного предмета или явления к другому, было совершенно спокойно. Он немного испытал это спокойствие на прочность, но сильно не давил – не хотелось снова превращать свой разум в шарик для пинбола. Сейчас его поверхность казалась стеклянной и абсолютно гладкой, как вода в пруду, сонно отражающая небесные узоры.

Забавно: представляя этот пруд, Роберт начал разрушать транс, с которым его сравнивал. Захотелось пойти на настоящий пруд у вершины лестницы – каменный полукруг с водой в самом конце подъездной дорожки, где под зеркальной поверхностью прятались золотые рыбки. Да-да, именно так; незачем ходить за папой и Шеймусом, лучше пойти к пруду и покрошить в воду хлеб. Если повезет, из глубины поднимется скользкое огненное колесо из оранжевых рыбок. Роберт сбегал на кухню, схватил там черствую краюшку и помчался по каменным ступеням к пруду.

Папа рассказывал, что зимой родник вырывается из трубы и хлещет прямо по мельтешащим рыбкам. Вода переливается через край, стекает в нижние пруды и в конце концов попадает в речку, что бежит по дну долины. Вот бы когда-нибудь на это посмотреть! К августу пруд мельчал. Вода едва сочилась из бородатой, заросшей ряской трубы. Осы, шершни и стрекозы носились над теплой зеленоватой припыленной поверхностью прудика, время от времени опускаясь на листья кувшинок, чтобы попить. Рыбки поднимались со дна очень редко, только если их приманить едой. Лучший способ покрошить черствый хлеб – потереть друг о друга два кусочка, чтобы они рассыпались на мелкие крошки. Если бросать крупные куски, они просто тонут, а крошки держатся на поверхности, как пыль. У самой необычной рыбки – той, ради которой он сюда и пришел, – на боках красовались красно-белые полосы. Остальные были всех оттенков оранжевого, еще Роберт видел пару черных мальков, но те со временем либо превратятся в оранжевых, либо вымрут, потому что крупных черных особей он не заметил.

Разломив краюшку, он принялся тереть друг о друга две половинки. Дождь из легких крошек падал на воду, они расплывались в разные стороны, но ничего не происходило.

На самом деле вихрь из золотых рыбок Роберт видел лишь однажды. С тех пор либо никто не показывался вовсе, либо одна-единственная рыбка лениво всплывала навстречу тонущим хлебным крошкам.

– Рыбы! Рыбы! Рыбы! Ну же! Рыбы! Рыбы! Рыбы!

– Призываешь свое тотемное животное? – спросил чей-то голос.

Роберт резко обернулся и обнаружил за спиной благодушно улыбающегося Шеймуса, в ослепительной рубашке с тропическим узором.

– Рыбы! Рыбы! Рыбы! – подхватил Шеймус его призыв.

– Нет, я их просто кормлю, – пробубнил Роберт.

– А ты никогда не ощущал духовной связи с рыбами? – наклоняясь поближе, спросил Шеймус. – В этом суть тотемного животного: оно помогает человеку на его жизненном пути.

– Да они мне просто нравятся. Я не жду, что они будут для меня что-то делать.

– Например, рыба приносит нам вести из глубин подсознания, – сказал Шеймус, делая волнообразные движения рукой. – Здешние места – поистине волшебные. – Он закрыл глаза, потянулся и размял шею. – Мое личное место силы находится в том лесочке, возле птичьей поилки. Бывал там? Впервые меня привела туда твоя бабушка, для нее это место тоже было особенным. Именно там я лучше всего ощущаю связь с другой реальностью.

Роберт вдруг понял, что ненавидит Шеймуса, – и в тот же миг осознал неизбежность этого чувства.

Тот поднес ко рту рупор из сложенных ладоней и завопил:

– Рыбы! Рыбы! Рыбы!

Роберту захотелось его прибить. Будь у него машина, он бы его задавил. Будь у него топор, он бы его зарубил.

Тут наверху открылась дверь, скрипнула москитная сетка. На улицу вышла мама с Томасом на руках.

– А, это вы. Здравствуй, Шеймус, – вежливо проговорила она. – Мы уже почти заснули, и я никак не могла взять в толк, откуда у нас под окнами объявился торговец рыбой.

– Мы призывали рыб, – пояснил Шеймус.

Роберт побежал к маме. Она присела рядом с ним на низкий каменный заборчик, подальше от Шеймуса, и стала показывать Томасу пруд. Роберт понадеялся, что рыбы не приплывут прямо сейчас – не то Шеймус решит, что это он их вызвал. Бедный Томас, он, может, никогда и не увидит оранжевого вихря. И рыбку с красно-белыми полосками тоже. Шеймус отберет у них пруд, и лес, и птичью поилку, и всю эту красоту. Если вдуматься, выходит, что родная бабушка желала маленькому Томасу зла с самого его рождения. Она и не бабушка вовсе, а скорее, злая мачеха из сказки. Зачем она показывала Шеймусу лесную поилку для птиц? Как она могла? Роберт заботливо погладил Томаса по головке. Тот

начал смеяться – удивительно низким, грудным смехом, – и до Роберта дошло, что малыш пока ничего не знает о тех неприятностях, что сводят с ума его старшего брата, и знать о них ему вовсе не обязательно.

4

Джош Пэккер был одноклассником Роберта. Он почему-то решил (никого не спросив), что они с Робертом – лучшие друзья. Для всех оставалось загадкой, почему они так неразлучны, и самой большой загадкой это было для Роберта. Если б ему удалось хотя бы ненадолго оторваться от Джоша, он бы точно сумел найти себе нового лучшего друга, но Джош ходил за ним по пятам на детской площадке, списывал у него на диктантах и таскал его к себе в гости пить чай. За пределами школы у Джоша было одно занятие: смотреть телевизор. Их телик показывал шестьдесят пять каналов, а телик Роберта – только бесплатные. У Джоша были очень богатые родители, которые покупали ему всякие невиданные игрушки даже раньше, чем о них узнавали остальные дети. На последний день рождения он получил детский электрический джип со встроенным DVD-плеером и мини-телевизором. Он катался на нем по саду, уничтожая цветы и пытаясь задавить своего пса Арни. В конце концов он врезался в куст, и они с Робертом сидели под дождем и смотрели мини-телик. Придя в гости к Роберту, он с порога заявил, что игрушки у того дурацкие, и начал ныть, что ему скучно. Роберт попытался придумать с Джошем какую-нибудь игру, но Джош не умел ничего придумывать. В течение трех секунд он изображал какого-то телевизионного персонажа, после чего упал на землю и заорал: «Я умер!»

Вчера позвонила мама Джоша – Джилли. Они сняли на весь август потрясающий дом в Сен-Тропе, не хотят ли Мелроузы приехать на денек всей семьей – поиграть и повеселиться? Родители решили, что Роберту будет полезно провести время со сверстником. Да и им самим не повредит смена обстановки – родителей Джоша они видели всего один раз, на спортивных состязаниях в школе. Впрочем, поговорить с ними тогда не удалось: они были слишком заняты съемкой фильма о спортивных достижениях Джоша, чтобы с кем-то разговаривать. Джилли показала, как ее камера снимает в замедленном режиме, только замедленный режим им не пригодился: Джош прибежал последним.

Итак, они отправились в путь, и папа безостановочно ворчал за рулем. После отъезда Джулии он стал гораздо сварливей. Вот зачем, спрашивается, они поперлись по такой жаре и пробкам в Сен-Тропе – «не город даже, а всемирное посмешище»?

Роберт сидел рядом с Томасом, а тот лежал в старом автокресле лицом к спинке грязного сиденья – только его он и видел. Роберт карабкался по ножке брата игрушечной собачкой и тявкал. Собачка явно была безразлична Томасу. Оно и понятно, думал Роберт. Брат ведь еще не видел настоящей собаки. С другой стороны, если бы его интересовали только знакомые предметы, он бы до сих пор сидел в западне медицинских ламп родовой палаты.

Когда они наконец нашли нужную улицу, Роберт первым заметил название «Les Mimosas»[2 - Мимозы (фр.)], выведенное косым шрифтом на грубой каменной плитке. Они одолели тряский ребристый цемент подъездной дорожки и очутились на парковке, уже изрядно забитой личным автопарком Джима: черным «рейнджровером», красным «феррари» и старым бежевым кабриолетом с потрескавшимися кожаными сиденьями и пузатыми хромированными решетками. Папа припарковал их «пежо» рядом с гигантским кактусом с зазубренными листьями, торчавшими во все стороны.

– Вилла в неороманском стиле, отделанная учеником позднего Гогена-сифилитика, – изрек папа. – Что может быть прекрасней? – Тут он заговорил золотистым рекламным голосом: – Расположенная в элитном закрытом районе Сен-Тропе всего в шести часах езды от легендарного кладбища домашних животных Брижит Бардо...

– Милый, – перебила его мама.

В окно постучали.

– Джим! – радостно воскликнул отец, опуская стекло.

– А мы как раз собрались в магазин за надувными игрушками для бассейна, – сказал Джим, убирая видеокамеру, на которую снимал прибытие гостей. – Может, Роберт хочет с нами?

Роберт покосился на Джоша: тот скрючился на заднем сиденье «рейнджровера» и явно играл в «геймбой».

– Нет, спасибо, – ответил Роберт. – Я помогу перетащить вещи.

– Неплохо вы его вымуштровали! – воскликнул Джим. – Джилли принимает солнечные ванны у бассейна. Просто идите по дорожке, не заблудитесь.

Они прошли по белой колоннаде, размалеванной видами Тихого океана, и оказались на упругой лужайке, обрамлявшей бассейн: воды было практически не видно за флотилией надувных жирафов, пожарных и гоночных машин, футбольных мячей, гамбургеров, Микки, Минни и Гуфи. Папа шел кособоко, держа в одной руке кресло со спящим Томасом, а мама тащила сумки и напоминала груженого мула. Джилли лежала на желто-белом шезлонге в компании двух лоснящихся незнакомцев – у всех троих на голове были парики из проводов и наушников. Тень папы упала на прожаренное лицо Джилли, и та открыла глаза.

– Ой, здравствуйте! – воскликнула она, вынимая наушники. – Простите, я была в другой реальности.

Хозяйка дома встала, чтобы поприветствовать гостей, но тут же попятилась, вытаращив глаза на Томаса и прижав руку к груди.

– Боже мой! Какой красивый младенец! Извини, Роберт. – Она вонзила длинные блестящие ногти в его плечи, чтобы он не упал. – Не хочу подливать масла в огонь братской вражды, но твой младший брат – это нечто. Ты у нас нечто, да ведь? – запричитала она, подлетая к Томасу. – Попомни мои слова, Роберт: ты еще поревнуешь, когда девчонки начнут штабелями ложиться к его ногам. Боже, ну и ресницы! Вы планируете третьего? Если бы у меня родился такой красавчик, я бы захотела еще шестерых, ей-богу. Ну и жадина, правда? Ничего не могу с собой поделаться, он просто чудо! Простите, от восторга я совсем забыла представить вас Кристине и Роджеру. А им и дела нет. Они тоже в другой реальности. Эй, очнитесь! – Она сделала вид, что пинает Роджера. – Роджер – партнер Джима по бизнесу, – пояснила она. – А Кристина из Австралии. Она на четвертом месяце беременности.

Джилли потрянула Кристину за плечи.

- Ой, привет! - очнулась та. - Что, уже приехали?

Всех гостей представили друг другу.

- Я им уже доложила про твою беременность, - сообщила хозяйка Кристине.

- Ага. Правда, беременной я себя не чувствую - просто немного набрала вес, как будто выпила четыре бутылки «Эвиан» или вроде того. Ну серьезно, меня даже не тошнит по утрам! Недавно Роберт спрашивает: «Хочешь в январе покататься на лыжах? У меня командировка в Швейцарию». И я такая: «Конечно, почему нет?» Представляете, мы оба забыли, что мне в январе рожать!

Джилли рассмеялась и закатила глаза.

- Просто витаю в облаках! - воскликнула Кристина. - Имейте в виду, беременность отупляет.

- Смотри, какие лица, - сказала ей Джилли, показывая пальцем на родителей Роберта. - Они не верят своим ушам. Любящие родители, не то что некоторые.

- А мы - разве нет? - возмутилась Кристина. - Ты ведь знаешь, как мы обожаем Меган. Меган - это наша двухлетка, - пояснила она гостям. - Мы оставили ее с мамой Роджера. Она только что открыла для себя гнев - ну, вы знаете, как дети открывают новые эмоции и потом прорабатывают их на всю катушку, пока не докопаются до следующей.

- Любопытно, - сказал папа Роберта. - То есть эмоции никак не связаны с тем, что дети чувствуют, - это просто пласты в археологических раскопках. Когда они откапывают радость?

- Когда отвозишь их в «Леголенд», - сказала Кристина.

Тут с трудом пришел в себя Роджер - и сразу схватился за наушник:

- Привет! Ой, простите, мне звонят.

Он встал и заходил туда-сюда по лужайке.

- Вы привезли с собой няню? - спросила Джилли.

- У нас нет няни, - ответила мама.

- Какая ты смелая! Даже не знаю, что бы мы делали без нашей Джо. Она с нами всего неделю и уже успела стать членом семьи. Можешь и своих на нее свалить, она просто чудо!

- Да мы, в общем-то, и сами справляемся.

- Джо! - крикнула Джилли. - Джо-о-о!

- Скажи, что это смешанный пакет акций досуговых и гостиничных предприятий, - говорил в трубку Роджер. - На данном этапе лучше обойтись без подробностей.

- Джо! - вновь позвала Джилли. - Совсем обленилась, зараза, весь день листает журнал «Хэлло!» и жрет мороженое «Бен и Джерри». Прямо как ее работодатель, скажете? Угу-угу, только она еще и деньги за это получает!

- Да мне плевать, что они сказали Найджелу! - завелся Роджер. - Это их не касается, пусть не лезут, куда не просят!

По лужайке к ним шагал довольный покупками Джим. Следом, шаркая и путаясь в ногах, шел толстый Джош. Его отец достал насос, разложил надувные игрушки на плитке возле бассейна и принялся сдирать с них пластиковую кожу.

- Что купили? - спросила Джилли, сверля дом злобным взглядом.

- Помнишь, ему понравилось надувное мороженое? - Джим начал надувать клубничный рожок. - Еще Короля-Льва взяли.

- И автомат, - занудно добавил Джош.

– Налоговая к нему прицепилась, – сказал Джим папе, кивая в сторону Роджера. – За обедом дашь ему пару советов, ладно?

– Я в отпуске не работаю, – ответил папа.

– Много не работаешь, – сказала мама.

– Ого, никак я чую супружеский конфликт? – сказал Джим, снимая на камеру надувающийся клубничный рожок.

– Джо!!! – заорала Джилли.

– Я здесь.

Из дома вышла тучная веснушчатая девица в шортах защитной расцветки и двинулась в их сторону, покачивая надписью «Я не прочь» на пышной груди.

Томас проснулся и закричал. Его можно было понять: только что он сидел в машине со своей любимой семьей, а теперь его обступили орущие незнакомцы с размалеванными глазами. В хлорированном воздухе колыхалось стадо ярких монстров. Один такой монстр сейчас надувался у его ног. Роберту тоже было бы противно.

– А кто тут проголодался? – сказала Джо, наклоняясь к Томасу. – Ну какой хорошенький! – повернулась она к маме Роберта. – И сразу видно, что все понимает.

– Сажайте этих двоих за мультики, – сказала Джилли, – хоть поболтаем спокойно. И давайте пошлем Гастона за бутылочкой розе. Вам понравится наш Гастон, он просто гений. Настоящий французский шеф, старая школа. Мы здесь всего неделю, а я набрала уже три стоуна! Ну и ладно. Сегодня к нам придет Генрих – личный фитнес-инструктор. Этот здоровенный немец знает толк в тренировках! Присоединяйся, вернешь себе былую форму после беременности. Хотя ты и так выглядишь отменно.

– Посмотришь кино? – спросила мама Роберта.

– Ага, – ответил он, лишь бы поскорее убраться отсюда.

– Ну да, что толку запускать его в бассейн, – признал папа, – все равно за этими надувными штуками мы не увидим, как он будет плавать.

– Идем! – сказала Джо и вытянула руки в стороны, как будто искренне считала, что дети за них возьмутся и радостно побегут в дом. – Никто не возьмет меня за ручку? – притворно заныла она, изображая безутешное горе.

Джош обхватил ее пальцы своей пухлой ладошкой, но Роберт сумел отвертеться и пошел следом за ними на небольшом расстоянии, замороженный няниным могучим задом цвета хаки.

– Итак, мы входим в киноподземелье! – зловеще взывала Джо. – А теперь быстро и без ругани: что будете смотреть?

– «Приключения Синдбада!» – заорал Джош.

– Опять?! Ну вот! – воскликнула няня, и Роберт невольно с ней согласился.

Он и сам мог посмотреть хороший фильм раз пять-шесть подряд, но, когда все диалоги были выучены наизусть, а кадры становились похожи на ящики с одинаковыми носками, внутри просыпалась неохота. Джош был другой. Он начинал просмотр с угрюмой жаждой нового, а настоящий интерес начинал испытывать только раз к двенадцатому. Его любовь безраздельно принадлежала (ведь подобными чувствами не разбрасываются) одному-единственному фильму— «Приключениям Синдбада». Он смотрел его уже больше ста раз, и очень часто, слишком часто – в компании Роберта. Джош грезил фильмами, а Роберт грезил одиночеством. Вот и теперь он мечтал как-нибудь смыться из киноподземелья. Почему взрослые не могут оставить детей в покое? Если сейчас убежать, они сразу организуют поисковую группу, выследят его, запрут и развлекают до смерти. Остается просто лежать на диване и думать о своем, пока на экране мелькают заимствованные фантазии Джоша. Вой перемотки начал утихать: Джош плюхнулся в ямку, которую успел продавить в диване после завтрака, и стал подъедать разбросанные по всему столику ярко-оранжевые сырные шарики. Джо включила фильм, погасила свет и тихонько вышла. Джош никогда не был торопыгой: предупреждение о видеопиратстве, рекламу уже просмотренных фильмов и уже выброшенных игрушек, а также

информацию о возрастных ограничениях нельзя было просто перемотать. Электричка ведь не может пролететь мимо уродливых городских окраин, прежде чем вырваться на меланхолично-пасторальную природу. Все имеет право на существование, всему нужно отдать должное – и Роберт ничего не имел против, поскольку чепуха, которая полилась с голубого экрана после долгих прелюдий, больше не стоила никакого внимания.

Он закрыл глаза, и образ адского бассейна, до сих пор стоявший у него перед глазами, начал понемногу рассеиваться. Проведя несколько часов в обществе других людей, он должен был непременно разобрать ворох полученных впечатлений и любым доступным способом освободиться от них – перевоплотиться в кого-нибудь, хорошенько все обдумать или хотя бы просто вытряхнуть все лишнее из головы. В противном случае впечатления наслаивались одно на другое и переставали помещаться в мозгу; Роберту казалось, что он вот-вот взорвется.

Иногда, лежа у себя в кровати, он начинал обдумывать какое-нибудь одно слово – «страх», например, или «бесконечность». И тогда это слово вдруг срывало с дома крышу и уносило Роберта в ночь – мимо звезд, заточенных в ковши и медведиц, в абсолютный мрак, где все аннигилировалось, кроме самого чувства полной аннигиляции. Пока капсулка его разума исчезала, он чувствовал ее пылающие края, крошащуюся оболочку, и когда она наконец разлеталась на части, он был этими разлетающимися частями, а когда части распадались на атомы, он сам становился этим распадом и набирал мощь, вместо того чтобы стихать, как злая сила, что отрицает неизбежный конец всего и кормится отходами распада... Скоро весь космос превращался в суету и угар, где не было места человеческому разуму, однако же Роберт был и по-прежнему все чувствовал.

Он вскакивал с кровати и, задыхаясь, мчался по коридору в родительскую спальню. Он готов был сделать что угодно, лишь бы это прекратилось, подписать любой контракт, дать любую клятву, но знал, что это бесполезно: он видел истину и не мог ее изменить, только ненадолго забыть о ней, поплакать у мамы на руках, чтобы она вернула крышу на место и подсказала ему другие, добрые слова.

Не то чтобы он был несчастлив. Просто он что-то увидел, и увиденное оказалось правдивей всего остального. Впервые это случилось с ним после бабушкиного инсульта. Роберт не хотел ее бросать, но она даже говорить толком не могла,

поэтому он потратил очень много времени, чтобы вообразить ее чувства. Все кругом твердили, как важно быть верным, и он очень старался: подолгу держал бабушку за руку, а она цеплялась за него. И хотя Роберту это не нравилось, он не убегал. Он видел бабушкин страх, туманивший ей глаза. Отчасти она радовалась, что никто не лезет к ней с разговорами: ей всегда было трудно доносить до людей свои мысли. Другая ее часть уже отошла в мир иной, вернулась к источнику или, по крайней мере, унеслась подальше от материального мира – извечной причины стольких ее сомнений. И была еще одна часть, которую Роберт хорошо понимал: та, что продолжала гадать и дивиться. Все тайны мира лежали перед бабушкой как на ладони, ведь раскрыть их остальным она больше не могла (если вообще хотела их знать). После болезни Элинор разлетелась на части, как одуванчик на ветру. Роберт невольно гадал, ждет ли и его подобная участь, – быть может, он тоже однажды превратится в сломанный стебелек, из которого в разные стороны торчат редкие семена?

– О, сейчас будет самое классное место! – восхищенно закричал Джош.

Пираты захватили корабль Синдбада. Попугай кинулся прямо в морду самому противному пирату, тот зашатался, и люди Синдбада проворно сбросили его за борт. В кадре – довольно орущий попугай.

– Угу, – протянул Роберт. – Слушай, я отойду ненадолго.

Джош не обратил на его отлучку никакого внимания. Роберт посмотрел, нет ли в коридоре Джо, – ее не было. Он вернулся тем же путем, каким пришел, и выглянул за дверь: у бассейна тоже никого, взрослые куда-то исчезли. Тогда он прошмыгнул на улицу и обошел дом. Тщательно скроенная лужайка переходила в ковер из опавшей хвои, на котором стояло два больших мусорных бака. Роберт сел и прислонился спиной к шершавой сосновой коре. Свобода!

Он стал гадать, кто теряет больше времени на бестолковый день в гостях у Пэккеров (не считая самих Пэккеров, которые вообще только и делали, что тратили время впустую, и в доказательство обычно могли предъявить какую-нибудь видеозапись своего времяпрепровождения). Томасу два месяца от роду, так что больше всего времени потеряет он – одну шестидесятую жизни. Папа же, которому сорок два года, по сравнению с остальными потеряет самую меньшую долю. Роберт попытался рассчитать эту пропорцию для всех членов семьи – какую часть жизни составляет для них один день, но мысли и цифры разбежались, поэтому он стал представлять себе часовые шестеренки разных

размеров. А потом задумался, как бы включить в расчеты и прямо противоположный факт: у Томаса впереди целая жизнь, а родители прожили уже немалую часть своих, так что один день для Томаса – не такая уж большая утрата. Пришлось вообразить новый комплект шестеренок (красных, а не серебряных): папино крутилось довольно быстро, а колесико Томаса поворачивалось с редкими степенными щелчками. Еще хорошо бы учесть разные степени страдания и разные типы пользы, которую, если очень постараться, можно извлечь даже из бесцельного времяпрепровождения, однако механизм от этого стал фантастически сложным: одним душеспасительным жестом Роберт смахнул всю махину с воображаемого стола и решил, что страдают его родные одинаково, никакой пользы не получают и ценность одного дня в гостях у Пэккеров равняется большому и жирному нулю. Испытав громадное облегчение, он начал представлять стержни, которыми соединялись между собой красные и серебряные зубчатые колеса. Все вместе напоминало большой паровой двигатель из Музея науки, только у машины Роберта сзади вылезала бумажка с цифрой, обозначающей количество потраченного впустую времени. Изучив все цифры, он пришел к выводу, что потеряет больше остальных. Результат одновременно привел его в ужас и порадовал. Тут грянул противный голос Джо: она окликнула его по имени.

На секунду он замер в нерешительности. Беда в том, что чем дальше он прячется, тем усиленнее и яростнее его будут искать. Он решил вести себя как ни в чем не бывало и выбрел из-за угла как раз в ту секунду, когда Джо собиралась проорать его имя во второй раз.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Где ты был?! Я тебя везде ищущу!

– Значит, не везде, иначе бы уже нашли.

– Не умничай, молодой человек, – проворчала Джо. – Ты что, поссорился с Джошем?

– Нет. Разве с таким тюфяком можно поссориться?

– Он не тюфяк, а твой лучший друг!

- Неправда.

- Значит, все-таки поссорились, – сделала вывод Джо.

- Нет!

- Как бы то ни было, нельзя же так пропадать!

- Почему?

- Потому что мы за тебя волнуемся.

- Я тоже волнуюсь за родителей, когда они уходят, но это их не останавливает, – резонно заметил Роберт. – Да и не должно останавливать.

В этом споре победу явно одерживал он. В случае крайней необходимости отец мог рассчитывать на помощь Роберта в суде. Он представил, как надевает парик и без труда склоняет на свою сторону всех присяжных, но тут Джо вдруг присела на корточки и заглянула искательно ему в глаза:

- Твоих родителей часто не бывает дома?

- Да не то чтобы... – промямлил он и добавил было, что родители редко уходят из дому вдвоем больше чем на три часа, как вдруг очутился в душных объятиях Джо – плотно прижатым к словам «Я не прочь», смысл которых оставался для него загадкой. Когда она наконец отстранила его и утешительно похлопала по спине, ему пришлось снова заправлять футболку в штаны.

- Что значит «Я не прочь»? – спросил он, отдышавшись.

- Не важно, – с круглыми от удивления глазами ответила Джо. – Ну, идем обедать!

Она повела Роберта в дом – пришлось брать ее за руку, ведь они были практически пара.

Над обеденным столом возвышался человек в белом фартуке.

– О, Гастон, вы нас разбаловали! – с упреком воскликнула Джилли. – Я толстею от одного взгляда на эти тарталеточки. Вам бы свою телепередачу! Vous sur le television, Gaston, делать beaucoup de monnaie. Fantastique! [З - Вам надо на телевидение, Гастон, [делать] много денег. Фантастика! (лом. фр.)]

Стол ломился от бутылок розового вина (две уже были пусты) и тарталеток с заварным кремом и разными начинками – ветчиной, луком, сморщенными помидорами и сморщенными кабачками.

Одному Томасу повезло: он сосал грудь.

– А, ты нашла заблудшую овечку! – Она хлестнула рукой воздух и пропела: – Подгоняй! Высекай! Хлещи-и-и!

Роберт весь покрылся мурашками от стыда. Как это, наверное, ужасно – быть Джилли.

– Он привык быть один, да? – бросила Джо вызов маме.

– Ага, когда сам захочет, – ответила мама, не почуяв подвоха: няня-то уже практически записала Роберта в сироты.

– Я как раз советовала твоим родителям свозить тебя к настоящему Санте, – сказала Джилли, раскладывая еду по тарелкам. – Утром садитесь на «конкорд» в Гэтвике, летите до Лапландии, там прыгаете на сноумобиль и – о-оп! – через двадцать минут вы уже в резиденции Санта-Клауса. Дети получают подарки, потом опять «конкорд» – и к ужину вы дома! Это за полярным кругом – Санта прямо как настоящий, не то что дешевая подделка в «Хэрродс».

– Несомненно, поездка вышла бы весьма познавательная, – сказал папа, – но, боюсь, оплата учебы для нас в приоритете.

– Джош бы нас живьем сожрал, если бы мы его не отвезли, – сказал Джим.

– Ничуть не удивлен.

Джош изобразил оглушительный взрыв и ударил кулаком воздух.

– Пробиваю звуковой барьер! – заорал он.

– Какую хочешь тарталетку? – обратилась Джилли к Роберту.

Все тарталетки выглядели одинаково мерзко.

Роберт взглянул на маму: ее медные волосы струились к сосущему грудь Томасу, и чувствовалось, как они, словно мокрая глина, сливаются в одно целое.

– Я хочу то же, что у Томаса, – ответил он и сразу замолк.

Вообще-то, он не собирался говорить это вслух, само как-то вырвалось.

Джим, Джилли, Роджер, Кристина, Джо и Джош взревели, точно стадо ослов. Смеющийся Роджер казался еще злее, чем серьезный.

– Мне тоже грудного молока, пожалуйста! – заплетающимся языком воскликнула Джилли, поднимая бокал.

Родители сочувственно улыбнулись Роберту.

– Увы, друг, ты теперь питаешься твердой пищей, – сказал папа. – Я-то давно мечтаю помолодеть, но не думал, что это начинается в столь юном возрасте. Разве дети не хотят скорее повзрослеть?

Мама позволила ему сесть на краешек ее стула и поцеловала в лоб.

– Это совершенно нормально, – заверила Джо папу и маму, которые, по ее мнению, детей и в глаза-то не видели. – Просто обычно они не так откровенны, вот и все. – Она позволила себе последний раз икнуть от смеха.

Роберт выключил окружающий гомон и присмотрелся к брату. Рот Томаса заработал, потом остановился, потом вновь заработал, вытягивая молоко из материнской груди. Роберту тоже захотелось туда – в клубок чувств и новых

впечатлений, – туда, где он еще ничего не знал о вещах, которые никогда не видел (о длине Нила, диаметре Луны и о том, как были одеты участники «Бостонского чаепития»), туда, где его пока не начали бомбардировать взрослой пропагандой и где он не пытался соизмерять с ней свой жизненный опыт. Он хотел бы оказаться там вместе с братом, но сохранить при этом свой опыт и восприятие самого себя – побыть тайным свидетелем непознанного, того, чему не могло быть свидетелей. Брат, увы, не был свидетелем собственных действий, он их просто совершал. Присоединиться к Томасу в своем нынешнем состоянии Роберту было никак нельзя – как нельзя крутить сальто и стоять на месте одновременно. Он часто вертел в голове эту идею и ни разу не пришел к выводу, что это возможно, однако с каждым разом невозможность слабела, а мышцы его воображения крепили и твердели, как у спортсмена перед прыжком в воду с трамплина. Только это ему и оставалось: окунуться с головой в атмосферу вокруг Томаса и почувствовать, как страсть к наблюдению отслаивается по мере приближения к миру брата (а некогда – и его миру). Впрочем, сейчас даже такая малость давалась с трудом: на него опять нашла Джилли.

– Почему бы тебе не остаться у нас, Роберт? – предложила она. – А завтра Джо отвезет тебя домой. У нас всяко веселее, чем торчать дома и завидовать брату.

Он в отчаянии стиснул мамину ногу.

Тут вернулся Гастон, и Джилли отвлеклась на десерт – склизкую кучку заварного крема в луже из карамели.

– Гастон, ты нас убиваешь! – взвыла Джилли, шлепая его по твердой, закаленной венчиком руке.

Роберт прижался к маме и шепнул ей на ухо:

– Пожалуйста, давайте уедем прямо сейчас.

– Сразу после обеда, – прошептала она в ответ.

– Ну что, уговаривает тебя? – спросила Джилли, морща нос.

– Между прочим, да, – ответила мама.

- Разреши ему у нас переночевать, что тут такого? - не унималась Джилли.

- Мы не кусаемся, - вставила Джо.

- Боюсь, не получится. Мы едем в дом престарелых навещать бабушку, - ответила мама, не упомянув, что до визита к бабушке оставалось еще целых три дня.

- Удивительно, - сказала Кристина, - но Меган пока совсем не испытывает ревности.

- Всему свое время, - сказал папа, - она же только что откопала гнев.

- Да уж! - засмеялась Кристина. - Наверное, это потому, что я сама до конца не осознала, что беременна.

- Да, наверное, - вздохнул папа.

Роберт видел, что он умирает от скуки.

Сразу после обеда они покинули дом Пэккеров с поспешностью, какую редко можно наблюдать за пределами пожарной станции.

- Умираю с голоду, - заявил Роберт в машине, как только они выехали на подъездную дорожку.

Все рассмеялись.

- Знаешь, мне бы и в голову не пришло критиковать твой выбор друзей, - сказал папа, - но в данном случае можно было обойтись видеозаписью.

- Я Джоша не выбирал! - возмутился Роберт. - Он сам... прилип.

Тут у дороги обнаружился ресторанчик, где они поужинали вкуснейшей пиццей и салатом, запив все это апельсиновым соком. Бедняжке Томасу опять пришлось пить молоко. Только им он и питался - одно сплошное молоко, молоко, молоко.

– Самое большое впечатление на меня произвела речь о лондонском доме, – сказал папа и включил свой глупый голос – у Джилли голос был другой, но манера точь-в-точь такая. – Когда мы его купили, он казался просто огромным! Но когда мы обставили гостевую спальню, тренажерный зал, сауну, кабинет и кинозал, оказалось, что комнат не очень-то и много.

– Комнат для чего? – удивленно поинтересовался папа своим голосом.

– А вот просто – таких комнат-комнат. Чтобы был воздух, свободное пространство.

– Когда в следующий раз мы залезем спать на вешалку в прихожей, как семейство летучих мышей, давайте скажем спасибо, что попасть в высшее общество нам мешает отсутствие не только двух лишних спален, но и комнат-комнат.

– Я сказала Джиму, – продолжил папа голосом Джилли, – «Надеюсь, мы можем себе это позволить, потому что мне нравится такой стиль жизни – рестораны, путешествия, шопинг – и я не собираюсь всем этим жертвовать». А Джим заверил меня, что, разумеется, мы можем себе позволить и то и другое.

– Тут она меня добила, – сказал папа. – «Джим знает: если все это станет нам не по карману, я с ним разведусь». Просто охренеть. Она ведь даже не красивая!

– Да уж, она просто чудо, – согласилась мама, – но, думается, Кристине и Роджеру тоже есть чем потешить публику. Когда я сказала, что разговаривала с обоими сыновьями, пока они еще сидели в животе, она как заорет (тут мама завизжала с австралийским акцентом): «Погодите! Не-ет уж, ребенок становится ребенком после родов. А со своим беременным животом я разговаривать отказываюсь. Роджер бы мигом сдал меня в дурку».

Роберт представил, как мама разговаривала с ним, когда он еще был запечатан в утробе. Конечно, он не мог знать смысла ее приглушенных слов, но наверняка чувствовал некий обмен между ними – тугую хватку страха, простертость намерения. Томас все еще был близок к тем вливаниям материнских чувств, а Роберт получал теперь одни лишь объяснения. Томас понимал безмолвный язык, который Роберт почти забыл, когда целина его разума капитулировала перед словесной империей. Он стоял на вершине холма и готовился устремиться вниз –

под дружные овации окружающих становиться больше, выше, быстрее, узнавать новые слова, выслушивать и понимать все более сложные объяснения. Теперь же Томас, сам того не ведая, заставил его оглянуться назад и на секунду опустить меч, чтобы вспомнить и увидеть все утраченное. Он так увлекся формулированием предложений, что едва не забыл ту варварскую пору, когда его мышление было подобно упавшей на белую страницу яркой кляксе. Теперь он снова это почувствовал: жизнь паузами (точнее, сейчас бы это казалось ему паузами): когда впервые распахиваешь шторы и видишь укутанный снегом пейзаж, затаиваешь дыхание и замираешь, прежде чем выдохнуть вновь. Все это уже не вернуть, но, быть может, не стоит так уж спешить со спуском. Быть может, надо посидеть тут еще немного и полюбоваться открывшимся видом.

– А теперь прочь из этого несчастного города, – сказал папа, допивая крошечный кофе.

– Только поменяю ему памперс, – сказала мама, стягивая с Томаса разбухший мешочек с голубыми кроликами.

Роберт посмотрел на брата: тот развалился в автокресле и смотрел на картину с изображением парусника, не зная при этом, что такое картина и что такое парусник. Какое это горе для великана, подумал Роберт, оказаться запертым в крошечном неумелом тельце.

5

Когда они шагали по длинным, легко моющимся коридорам бабушкиного дома престарелых, скрип резиновых тапочек медсестры придавал их общему молчанию особую истерическую нотку. Они прошли мимо открытой двери комнаты отдыха, где за телевизионным грохотом пряталось молчание совсем иного рода. Помятые, морщинистые, белые как простыни пациенты рядами сидели перед телевизором. Куда же запропастилась смерть, почему не идет? У одних стариков вид был скорее напуганный, чем скучающий, у других – наоборот, скорее скучающий, чем напуганный. Еще во время первого визита Роберт запомнил яркие геометрические узоры на стенах. Он тогда сразу представил, как вершина длинного треугольника вонзается ему в грудь, а острый край алого полукруга сносит голову с плеч.

Они впервые привезли Томаса бабушке. Да, она вряд ли сможет ему что-то сказать, но и тот пока не отличается болтливостью. Наверняка они найдут общий язык.

Бабушка была в палате: сидела в кресле у окна. Прямо за окном стоял желтеющий тополь, а за ним – живая изгородь из голубоватых кипарисов, частично скрывающих парковку. Заметив появление родных, бабушка изобразила на лице улыбку, однако глаза ее словно жили сами по себе, в них читались смятение и боль. Улыбка обнажила почерневшие и сломанные зубы – вряд ли такими можно разжевать что-то твердое. Возможно, именно поэтому ее тело так сильно одряхлело по сравнению с прошлым разом.

Все поцеловали бабушку в мягкую и довольно волосатую щеку. Мама поднесла к ней Томаса и сказала:

– А вот наш Томас.

Бабушкино лицо дрогнуло: она, казалось, не могла решить, приятна ей или странна близость младенца. Она словно неслась по пасмурному небу: изредка вырывалась на солнце, а потом вновь устремлялась сквозь густеющие покровы тьмы в молочную слепоту облаков. Бабушка не знала Томаса, а он не знал ее, но она будто нащупала между ними особую связь. Впрочем, связь эта то и дело обрывалась, и восстановить ее стоило большого труда. Когда она хотела заговорить, попытка сформулировать уместную в данной ситуации фразу начисто лишала ее соображения. Она не могла вспомнить, кем ей приходится все эти люди в палате. Упорство больше не работало; чем крепче она хваталась за какую-нибудь мысль, тем быстрее та уносилась прочь.

Наконец, очень неуверенно, она схватила обеими руками какой-то воображаемый предмет, подняла голову на отца и спросила:

– Я... ему... нравлюсь?

– Да, – сразу ответила мама, как будто вопрос был самый обыкновенный.

– Да... – сказала Элино́р, и отчаянье хлынуло из ее глаз на все остальные части лица.

Она не то хотела спросить; вопрос сам прорвался наружу. Она снова обмякла.

После услышанного утром Роберт был потрясен ее вопросом и особенно тем фактом, что вопрос явно предназначался отцу. Правда, ответила на него мама, но в этом как раз не было ничего удивительного.

Утром Роберт играл на кухне, а мама наверху собирала сумку для брата. Он не замечал лежавшей рядом трубки радионяни, пока не проснулся Томас: тот несколько раз коротко всхлипнул, мама вошла в комнату и стала его успокаивать. Прежде чем Роберт успел определить, насколько ласковее она говорит с Томасом, когда его нет поблизости, из трубки раздался рев отца:

– Бля, ну и письмо!

– Что такое? – спросила мама.

– Да эта гнида Шеймус Дурк хочет, чтобы Элино́р оформила на него пожизненную дарственную. По моей просьбе в существующем договоре дарения содержится довольно растяжимое положение о передаче имущества в счет долга. В завещании указано, что после ее смерти благотворительному фонду прощаются все долги и усадьба окончательно отходит им, но поскольку Элино́р и без того предоставила фонду заем в размере рыночной стоимости усадьбы, если она потребует возвратить долг, то усадьба автоматом возвращается к ней. Она согласилась на такую схему, чтобы в случае болезни не остаться без средств на жизнь и лечение. Понятное дело, я хотел со временем донести до нее простую мысль: от долбаного «благотворительного фонда» всем, кроме Шеймуса, один только вред. Ирландцам, похоже, и впрямь везет. Этот нищий санитар до конца жизни мыл бы утки в графстве Мит, если б не моя добрая матушка. Она выдернула его с Изумрудного острова и сделала единственным бенефициаром огромного, не облагаемого налогами дохода, получаемого от нью-эйдж-отеля под видом благотворительного фонда. Бред! Нет, ну какой бред!

Отец к тому времени уже орал.

- Не бесись ты так, - сказала мама. - Томаса пугаешь.

- Да как же не беситься? Я только что прочел это письмецо. Она всегда была отвратной матерью, но я думал, на старости лет она образумится, поймет, что уже достаточно всем навредила своим предательским безразличием, будет нянчиться с внуками, разрешит нам пожить у нее - ну все в таком духе. Ох, как я ее ненавижу, аж самому страшно! Пока я читал письмо, мне казалось, что рубашка меня душит, и я попытался расстегнуть воротничок. Но он уже был расстегнут! Вокруг моей шеи затянулась петля - петля лютой ненависти.

- Она просто выжила из ума, - сказала мама.

- Знаю.

- И сегодня мы едем ее навещать.

- Знаю, - уже тише, почти неслышно ответил папа. - Больше всего я ненавижу этот яд, который сочится в нашем роду из поколения в поколение. Моя мать обижалась на свою мать и отчима, который унаследовал все деньги, а теперь, спустя тридцать лет семинаров по личностному росту и повышению самосознания, она решила поставить Шеймуса Дурка на место отчима. А тот и рад потешить ее подсознание. Эта преемственность сводит меня с ума. Я скорее перережу себе горло, чем стану так же издеваться над собственными детьми.

- Не станешь, - сказала мама.

- Если вообразить себе нечто...

Роберт наклонился к трубке, чтобы лучше слышать отца, но его голос вдруг грянул у него за спиной: родители спускались по лестнице.

- ...в результате получится моя мать, - говорил папа.

- Прямо король Лир и миссис Джеллиби, - засмеялась мама.

- На вересковой пустоши, ага. Быстрый перепих дряхлого тирана и фанатичной меценатки.

Роберт убежал из кухни, чтобы родители не догадались, что он подслушал их разговор. Все утро он благополучно хранил тайну, но, когда бабушка взглянула на папу и спросила, будто бы имея в виду его: «Я ему нравлюсь?», Роберту пришла в голову безумная мысль: каким-то образом она тоже подслушала родительский разговор.

И пусть он не все понял из сказанного отцом в то утро, ясно было, что земля под их ногами начала разверзаться. А в тишине, последовавшей за пронизательным вопросом бабушки, он почувствовал мамино стремление к гармонии и папин едва сдерживаемый гнев. Как же теперь все исправить?

Бабушка с огромным трудом задала вопрос (на это ушло едва ли не полчаса): крещен ли Томас?

– Нет, – ответила мама. – Мы решили его не крестить. Просто мы не считаем, что дети рождаются грешниками, а церемония крещения, похоже, во многом основана на идее, будто их падшие души нужно спасать.

– Да, – сказала бабушка. – Нет.

Томас принялся трясти серебристую погремушку в виде гантели, вновь обнаруженную им в складках креслица: она как-то странно, пронзительно звенела, когда он вертел ею у себя над головой, и вскоре ударила его по лбу. Помедлив секунду или две, он сообразил, что произошло, и начал плакать.

– Он не понимает, то ли он сам себя ударил, то ли гантелька виновата, – сказал папа.

В ссоре с гантелькой мама встала на сторону сына и, целуя его в лоб, сказала:

– Плохая гантелька!

Роберт треснул себя по голове и театрально шлепнулся на бабушкину кровать, думая таким образом развеселить Томаса, но тот почему-то не развеселился.

Бабушка умоляюще-сочувственно простерла руки к Томасу – как будто он пытался выразить знакомое и неприятное ей чувство, которое она не хотела

вспоминать. Мама осторожно положила Томаса бабушке на руки, и она притихла. Заинтригованный новым положением, он тоже замолк и принялся искательно разглядывать бабушку. Лежа у нее на коленях, он транслировал именно то, что ей было нужно, и оба тихо радовались своему безмолвному союзу. Остальные тоже молчали, боясь оскорбить речью неговорящих. Роберт чувствовал, как застывший над бабушкой отец изо всех сил сдерживает поток слов. В конце концов первой заговорила бабушка – не очень быстро, но гораздо лучше, чем прежде, – словно бы речь, оставив тщетные попытки пройти по наглухо закрытому шоссе, нашла окольный путь и выскочила наружу под покровом тьмы и тишины.

– Вы должны знать, – сказала она, – мне очень грустно... что... я не могу говорить...

Мама положила ладонь ей на колено.

– Это, должно быть, ужасно, – сказал папа.

– Да, – кивнула бабушка, уставившись на бесконечно далекий пол.

Роберт не знал, что делать. Папа ненавидел родную мать. Роберт не мог разделить отцовское чувство, но и упрекнуть его не мог. Да, бабушка нехорошо с ними поступила, но ведь она так ужасно страдает! Оставалось лишь вернуться, хотя бы мысленно, в прошлое, еще не омраченное папиным недовольством. В те безоблачные дни Роберту можно было просто любить бабушку – он не знал точно, действительно ли такие дни когда-то были в его жизни, но теперь их точно не было. И все-таки нельзя всей семьей набрасываться на перепуганную старушку, пусть та и решила подарить дом Шеймусу.

Он спрыгнул с кровати, присел на подлокотник бабушкиного кресла и взял ее за руку, как раньше, когда она только заболела. Так она могла все рассказать без лишних слов: ее мысли просто наводняли его голову картинками и образами.

Увы, мосты были сожжены и сломаны, и все, что бабушка хотела сказать, так и застыло – не обретая формы, не двигаясь – на другом берегу глубокого рва. Она чувствовала постоянное давление, какой-то зуд за глазами яблоками – словно там, просясь в дом, скулила и скреблась собака, – полноту, которую теперь можно было излить лишь слезами, вздохами и резкими, неловкими жестами.

Под кровоподтеком чувств оставалась еще жестокая жажда жизни – словно у раздавленной змеи, извивающейся на асфальте, или свежего кровотокащего пня, которому слепые корни продолжают подавать сок.

За что ей эта пытка? Ее зашили в мешок, сковали ноги цепями, бросили на дно лодки и повезли в открытое море – вдобавок ее дразнили гребцы. Видимо, она чем-то провинилась, совершила какой-то очень дурной поступок. Поступок, который она теперь не могла вспомнить, как ни старалась.

Роберт попытался вырваться. Это было невыносимо. Он не бросил ее руку, просто хотел перекрыть поток, но полностью разорвать связь не получилось.

Он заметил, что бабушка плачет и стискивает его руку.

– Я... нет, – попыталась произнести она, но не смогла.

Тщательно нанизанная на леску мысль порвалась и рассыпалась по полу. Собрать ее заново было невозможно. Казалось, глаза и рот постоянно залепляет какой-то мутью – словно ей на голову надели грязный целлофановый пакет. Она хотела его сорвать, но руки были связаны за спиной.

– Я... – попыталась она вновь. – Храбрая... Да...

Вечернее солнце опускалось за горизонт с другой стороны здания, и в комнате стремительно темнело. Все присутствующие потеряли дар речи, кроме Томаса, – тому пока нечего было терять. Лежа в объятьях бабушки, он спокойно и осмысленно смотрел на нее, подавая пример остальным членам семьи и возвращая гармонию окружающему пространству. Так они сидели почти безмятежно в тускнеющем свете, полные сочувствия и немного – скуки. Бабушка погрузилась в более тихие страдания – точно в глубокое продавленное кресло – и наблюдала за пыльной бурей, покрывающей мир сплошной серой пеленой.

В дверь постучала медсестра. Не дождавшись ответа, она вошла и вкатила за собой тележку с едой, бухнула на прикроватную тумбочку поднос. Мама снова взяла Томаса к себе, а папа тем временем подкатил тумбочку поближе к кровати и снял алюминиевую крышку с основного блюда. От вонючей серой рыбы и водянистого рататуя отшатнулся бы даже изголодавшийся обжора, но для

мечтавшей о смерти бабушки любая еда была одинаково нежеланна, поэтому она еще разок стиснула руку Роберта и разомкнула цепь, принесшую столько страшных картин его воображению. Затем она со странным отчаяньем и одновременно смирением взяла вилку, наколола на нее кусочек рыбы и понесла ко рту. Вдруг замерла, опустила вилку и снова уставилась на папу.

– Я не могу... найти рот, – на удивление четко произнесла она.

Папа растерялся и даже расстроился, как будто бабушка придумала хитрый трюк для смягчения его гнева, но тут мама Роберта схватила вилку и непринужденно сказала:

– Давайте я вам помогу, Элинора.

Бабушка немного сгорбилась при мысли о том, до чего дошла. Потом кивнула, и мама начала свободной рукой кормить ее с ложечки, удерживая в другой Томаса. Папа наконец опомнился и забрал у нее сына.

Прожевав несколько кусков, бабушка покачала головой, сказала «нет» и изможденно откинулась на спинку кресла. В последовавшей за этим тишине папа отдал Томаса маме и присел рядом с бабушкой.

– Мне неловко поднимать эту тему, – сказал он, доставая из кармана распечатанное письмо.

– Вот пусть и дальше будет неловко, – тут же вставила мама.

– Но я больше не могу! – возразил он и снова повернулся к бабушке. – Мне написали из юридической конторы «Браун и Стоун»: говорят, ты хочешь оформить договор прижизненного дарения и немедленно передать «Сен-Назер» фонду. Я должен сказать, что это весьма неосмотрительный поступок. Посуди сама: ты и так едва можешь позволить себе пребывание здесь. А если потребуется более серьезное и дорогое лечение? Ты очень быстро останешься без средств.

Роберт не думал, что бабушка может выглядеть еще несчастней, но каким-то образом ее лицо отразило новую степень ужаса.

- Я... правда... я... правда... нет.

Она закрыла лицо ладонями и закричала.

- Я правда против! - провыла она.

Не глядя на папу, мама обняла ее за плечи. Папа спрятал письмо обратно в карман и с нескрываемым презрением уставился на свои ботинки.

- Все хорошо, - сказала мама. - Патрик просто хочет вам помочь, он волнуется за ваше финансовое благополучие и боится, как бы вы не раздали свое имущество раньше, чем нужно. Но вы имеете полное право распоряжаться своим домом! Адвокаты просто предупредили Патрика, потому что раньше вы обращались к нему за юридической помощью.

- Я... устала, - выдавила бабушка.

- Тогда нам пора, - сказала мама.

- Да.

- Я не хотел тебя расстраивать, - извинился папа. - Просто я не понимаю, к чему такая спешка: ты ведь все равно завещала «Сен-Назер» фонду.

- Давай не будем, - сказала мама.

- Давай, - согласился папа.

Бабушка позволила им всем по очереди поцеловать ее в щеку. Роберт прощался последним.

- Не... бросай меня, - сказала она.

- Ты имеешь в виду... сейчас? - растерялся он.

- Нет... прошу, не... нет. - Она сдалась.

- Не брошу, - заверил он ее.

Обсуждать состоявшийся визит в дом престарелых было слишком опасно, поэтому сначала ехали в тишине. Но вскоре папа не выдержал, ему надо было выговориться. Он постарался обойтись общими фразами и не упоминать бабушку.

- Больницы - это какой-то ужас. В них всегда полно бедных, запутавшихся идиотов, которые видят смысл жизни не в беспричинной славе или возмутительном богатстве, а в помощи другим людям. Откуда что берется? Надо отправлять таких к Пэккерам на недельные семинары по расширению сознания.

Мама улыбнулась.

- Шеймус наверняка смог бы это устроить, даже придал бы всему действию некий шаманский шарм, - сказал папа, которого неумолимо тянуло прочь с орбиты. - Впрочем, хоть больницы и кишат веселыми святошами, я скорее застрелюсь, чем стану терпеть разложение своей личности, свидетелями коего мы были сегодня утром.

- А мне показалось, Элинор не так уж и плоха. Я едва не расплакалась, когда она назвала себя храброй.

- Человека легко свести с ума: достаточно заставить его испытывать сильные эмоции, которые испытывать запрещено, - продолжал чеканить отец. - Предательство матери меня разозлило, но потом она заболела, и я вынужден был вместо злости испытывать жалость. Теперь она снова взбесила меня своим безрассудным поступком, однако я не должен злиться, а должен восхищаться ее храбростью. Нет уж, извините, я парень простой, и я по-прежнему злюсь, блядь! - заорал папа, молотя кулаками по рулю.

- Кто такой король Лир? - спросил Роберт с заднего сиденья.

- Ты подслушал наш утренний разговор? - спросила мама.

- Да.

- Нарочно подслушал, - сказал папа.

- Неправда! Вы забыли выключить радионяню.

- Точно, - вспомнила мама, - забыла! Впрочем, это теперь не имеет значения, правда? - ласково спросила она папу. - Ты и так во всю глотку материшься при детях.

- Король Лир, - сказал папа, - это такой персонаж из пьесы Шекспира, вздорный тиран, который отрекается от любящей дочери, а потом почему-то удивляется, когда Гонерилья и Регана - или Шеймус Дурк, как я их называю, - отказывают ему в заботе и выгоняют его из дому.

- А кто такая миссис Джеллибин?

- Джеллиби. Это из Диккенса, ненормальная благодетельница, строчащая гневные письма об африканских сиротках, пока ее собственные дети на другом конце комнаты лезут в растопленный камин.

- А что такое перепих?

- Хм... Суть в том, что, если объединить этих персонажей, получится Элинор.

- Ясно, - сказал Роберт. - Сложновато.

- Да, - кивнул папа. - Видишь ли, Элинор пыталась купить себе местечко в небесном партере, пожертвовав все деньги на «благотворительность», но на самом деле, как ты убедился, приобрела лишь билет прямым в ад.

- Мне кажется, нехорошо с твоей стороны настраивать Роберта против бабушки, - сказала мама.

- А мне кажется, нехорошо было с ее стороны не оставлять мне другого выхода.

- Это ведь ты чувствуешь себя преданным - она твоя мать.

– Она подвела всех нас, – не унимался папа. – Вечно твердила мне, мол, вот это и это – для Роберта, но все ее подачки родным одну за другой сорвало с пьедесталов и засосало в черную дыру фонда.

Мама некоторое время провела в молчании, потом сказала:

– Ладно хоть в этом году к нам не приехала погостить моя мама.

– Вот уж действительно, – согласился папа. – Надо культивировать в себе чувство признательности.

После этого краткого мига гармонии обстановка в машине немного разрядилась. Они подъезжали к дому. Закат в тот вечер был ничем не примечательный, облака не превращались в лестницы, горы и палаты – просто небо вокруг холмов окрасилось в прозрачный розовый цвет, а в темнеющей его части висела краюшка луны. Когда машина затряслась по ухабистой подъездной дорожке, Роберт почувствовал, что оказался дома, – впрочем, это чувство надлежало поскорее забыть. Зачем бабушка устроила всем такую подлянку? Уж очень дорого стоит местечко в первых рядах рая. Роберт взглянул на спящего в автокресле Томаса и вновь стал гадать: действительно ли он ближе к «источнику», чем все остальные, и если да, то хорошо ли это? Бабушкино нетерпеливое желание вновь окунуться в сияющую неопределенность вдруг наполнило его нетерпением другого рода: захотелось прожить жизнь как можно определенной, прежде чем время прикует его к больничной койке и вырвет ему язык.

Август 2001 года

6

Днем, слыша эхо горестного собачьего лая с другого конца долины, Патрик представлял себе соседскую овчарку, что бегала туда-сюда по обнесенному тростником двору и не могла выбраться на волю, но теперь, среди ночи, он

представил огромное черное пространство, в котором исчезали и растворялись эти звонкие звуки. Переполненный людьми дом лишь усиливал, спрессовывал его одиночество. Пойти было не к кому, кроме как, вероятно (или, скорее, невероятно – а может, все-таки вероятно?), к Джулии, которая спустя год решила вернуться.

Как обычно, от усталости он не мог даже читать, а от волнения – спать. В книжной башне на прикроватной тумбочке нашлось бы чтиво под любое настроение, кроме взвинченного отчаянья, в котором он постоянно пребывал. «Элегантная Вселенная» внушала тревогу. Ему не хотелось читать о криволинейности пространства, когда потолок и так самым причудливым образом менял форму под его изможденным взглядом. Не хотелось думать о потоках нейтрино, проходящих сквозь его плоть: она и так казалась чересчур уязвимой. Патрик взялся было за «Исповедь» Руссо, но быстро забросил: хватало и собственной неотступной мании преследования. Роман в форме дневников одного из участников первого плавания капитана Кука на Гавайские острова был основан на чересчур дотошных изысканиях и оттого напрочь лишен правдоподобия. Ознакомившись с пространными описаниями однотипных эмблем на казенных сухарях Управления продовольственного снабжения, Патрик изрядно приуныл, но, когда во второй части романа, написанной от лица потомка первого рассказчика, жившего в Плимуте двадцать первого века и отправившегося отдыхать в Гонолулу, начали появляться игривые отсылки к первой, он едва не спятил. За последнее место в стопке сражались два исторических труда: один был посвящен истории солевой промышленности, второй – истории всего мира с 1500 года до нашей эры.

Мэри, как обычно, ушла спать с Томасом, оставив Патрика восхищаться и хандрить. Она была такой любящей и преданной матерью, потому что на собственной шкуре знала, как живет ребенок без родительского внимания. Патрик тоже это знал, и порой ему – как прежнему единственному получателю всей нерастраченной Мэриной любви – приходилось напоминать себе, что он давно уже не ребенок и в доме есть настоящие дети, еще не приученные к ужасам этого мира. Словом, Патрику иногда приходилось разговаривать с собой по-мужски. Но долгожданная зрелость, которую должно было принести родительство, никак не наступала. В окружении детей Патрик все острее чувствовал себя ребенком. Или, скорее, моряком, которому страшно покидать гавань, ведь он знает, что под палубой его эффектной яхты – лишь слабенький и замызганный двухтактный двигатель... Боязно и хочется, боязно и хочется.

Кеттл, мать Мэри, приехала днем и, как водится, сразу нашла повод для конфликта с дочерью.

– Хорошо долетела? – вежливо спросила ее Мэри.

– Ужасно, – ответила Кеттл. – Рядом сидела ужасная женщина, которая невероятно гордилась своей грудью и без конца тыкала ею в лицо младенцу.

– Это называется «грудное вскармливание», мама, – сказала Мэри.

– Спасибо, доченька. Я знаю, все сейчас с этим носятся, но во времена моей молодости мамы пытались беречь фигуру. Умной считалась та женщина, которая вскоре после родов приходила на званый ужин в великолепной форме, будто вовсе никого не рожала, а не та, что выставляла напоказ свою грудь... или выставляла, но не для кормежки.

Как обычно, на тумбочке стоял пузырек с темазепамом. У темазепама, безусловно, был один недостаток – он не работал. Зато с побочными эффектами никаких проблем: потеря памяти, обезвоживание, похмелье, кошмарные ломки – все это не заставило себя ждать. А сон не шел. Патрик глотал таблетки просто для того, чтобы не началась ломка. Он еще помнил предупреждение из прочитанной давным-давно аннотации: не принимать темазепам дольше тридцати дней подряд. Он принимал его каждый вечер на протяжении трех лет, постоянно увеличивая дозу. Он мог бы быть «совершенно счастлив» (как говорят люди, на самом деле имея в виду жуткие страдания в семейном кругу), но все не находил на это времени. Либо у одного из детей близился день рожденья, либо он торчал в суде, уже маясь похмельем, либо еще какое-нибудь громадное важное дело требовало отсутствия галлюцинаций и лишней тревожности. Завтра, к примеру, должна приехать мама. Свекровь и теща окажутся за одним столом – не лучшее время для внесения в обстановку дополнительных ноток психоза.

Однако же Патрик до сих пор с нежностью вспоминал те дни, когда внесение в обстановку дополнительных ноток психоза было его любимым времяпрепровождением. Весь второй год учебы в Оксфорде он провел за созерцанием того, как пульсируют и вертятся цветы. Именно в то лето тревожных экспериментов он познакомился с Джулией. Она была младшей сестрой какого-то зануды с его этажа в Тринити. Патрик – на ранней стадии

псилоцибинового прихода – пытался отвертеться от его назойливого приглашения зайти в гости, как вдруг заметил сквозь приоткрытую дверь комнаты сногшибательную красотку, что сидела на подоконнике и обнимала свои колени. Патрик тут же решил «забежать на чашку чая» и следующие два часа тупо разглядывал чудовищно прекрасную Джулию, ее румяные щечки и темно-синие глаза. Она была в тонкой малиновой футболке, из-под которой выступали крупные соски, и потертых голубых джинсах с прорехами под задним карманом и на правом колене. Он твердо решил соблазнить ее, как только она достигнет нужного возраста, но юная красотка его опередила: в тот же вечер они занялись любовью в замедленно-покадровой съемке (естественно, любовью противозаконной – шестнадцать ей исполнялось на следующей неделе). Они падали в небо, ныряли в кроличьи норы, наблюдали, как стрелки часов крутятся в обратном направлении и убегали от полицейских, которые и не думали их преследовать. Когда они вместе отправились в Грецию, Патрик помогал прятать наркотики в своем любимом тайнике – у нее между ног. Он думал, их ждут неисчислимы приключения, но теперь заикающийся экстаз тех любовных утех казался ему настоящим чудом, недостижимым идеалом свободы из другого мира. С тех пор он больше не испытывал такой спонтанной близости ни с кем, тем более (напоминал он себе снова и снова) в разговоре с повзрослевшей и похолодевшей Джулией, которая приехала к ним погостить. Однако же она здесь, в нескольких шагах от него, побитая жизнью, но все еще красивая. Пойти к ней? Стоит ли рисковать? Стоит ли свеч совместная ретроспектива? Быть может, когда их тела вновь переплетутся, он сможет заново испытать ту легкость и накал страстей? Безумие. Чтобы добраться до ее комнаты, надо пройти мимо бессонного маньяка-наблюдателя Роберта, мимо свирепой Кеттл и мимо Мэри, что парит, подобно стрекозе, над поверхностью сна, дабы в любой миг должным образом отреагировать на малейшие изменения в страданиях своего младенца. Дверь в комнату Джулии громко скребет по полу, и вообще там наверняка сейчас Люси, ее дочь. Патрик, как обычно, был парализован двумя равными по силе противоборствующими стихиями.

Все было как обычно. Это и загоняло в депрессию: он застрял в устаревшей версии самого себя. Днем, играя с детьми, он был очень близок к тому состоянию, которое старательно изображал, – к состоянию отца, играющего с детьми. Но по ночам он либо мучился ностальгией, либо занимался самобичеванием. Его юность унеслась прочь в кроссовках «найт эйр макс» (только юность Кеттл еще носила крылатые сандалии), оставив за собой вихрь пыли и коллекцию поддельного антиквариата. Он пытался припомнить свою юность, но помнил лишь избыток секса и чувство потенциального величия, на смену которым – теперь, в настоящем – пришло отсутствие секса и чувство

растраченного потенциала. Боязно и хочется, боязно и хочется. Может, принять еще двадцать миллиграммов темазепама? Сорок миллиграммов (при условии, что за ужином выпито много красного вина) иногда позволяли погрузиться в сон хотя бы на пару часов. Не в восхитительное забытие, о котором он мечтал, но в потный беспокойный сон вперемешку с кошмарами. Вообще-то, такого сна ему хотелось меньше всего: лучше уж вовсе не спать, чем вновь оказаться прикованным к стулу и смотреть, как пытаются твоих детей, орать на истязателей или умолять их остановиться. Еще была диетическая версия, «кошмар-лайт», где он успевал в последний миг ринуться на помощь сыновьям: его тело разрывали пули, расчленили ревущие автомобили. Если от этих ужасных картин он не просыпался, то еще несколько минут дремал без снов, но почти сразу его будил приступ удушья. Такова была цена короткого медикаментозного сна: дыхание останавливалось, в лобные доли из глубин спинного мозга с воем прикатывала бригада скорой помощи и грубо возвращала его к реальности.

Сны, сами по себе довольно ужасные, почти всегда сопровождались сеансом защитного самокопания. Джонни, его друг и детский психолог по профессии, говорил, что это называется «осознанные сновидения» – когда спящий понимает, что видит сны. От чего же Патрик пытался защитить своих детей? От собственного ощущения вечной пытки, разумеется. После встроенных в сон семинаров, посвященных увиденным снам, он неизменно приходил к подобным разумным выводам.

Патрик действительно был одержим мечтой остановить поток яда, передающегося в его семье из поколения в поколение, но уже чувствовал, что потерпел неудачу. Даже если удастся избавить детей от причин выпавших на его долю страданий, защитить их от последствий вряд ли возможно. Патрик похоронил отца двадцать лет назад и с тех пор почти о нем не вспоминал. На пике своей доброты Дэвид бывал груб, холоден, саркастичен, быстро начинал скучать; в последний миг обязательно поднимал препятствие, чтобы Патрик отбил об него ноги. Патрик был убежден, что никогда не станет плохим отцом, никогда не разведется и не лишит детей наследства. Но им в любом случае придется пережить яростные, бессонные последствия отцовских страхов. Роберт уже унаследовал его полуночные метания, и едва ли это можно объяснить существованием некоего гена полуночных метаний. Патрик помнил, как без конца жаловался на бессонницу в ту пору, когда Роберт копировал все его жесты и интонации. Еще он замечал (со смесью вины, удовлетворения и вины по поводу этого удовлетворения) постепенное смещение в чувствах Роберта к Элинор и ее филантропической жестокости: от сочувствия и верности к ненависти и презрению.

Хоть одно радует: в этом году больше не придется ездить к Пэккерам. Джош три недели не ходил в школу и успел позабыть, что Роберт – его лучший друг. В ту чудную пору пьянящей свободы Патрик с Робертом случайно встретили в Холланд-парке Джилли и узнали, что она разводится с Джимом.

– Бриллиант нашей любви потускнел, – призналась она и тут же ликующе добавила: – Ладно хоть настоящие бриллианты останутся при мне, хо-хо! А слышали новость? Роджера сажают в тюрьму! Это просто кошмар. Тюрьма, конечно, открытого типа, с шикарными условиями. Но все равно ужас, правда? Поймали его на мошенничестве и уклонении от уплаты налогов. В наше время, ясное дело, все этим занимаются, да не всех ловят. Кристина в шоке – у них же двое детей и все такое. Она теперь даже няню себе позволить не может. Я дала ей совет: «Разводись, это бодрит». Впрочем, я совсем забыла, что больших алиментов ей ждать не придется... Уж не знаю, бодрит ли развод в том случае, когда у мужа за душой ни гроша. Ох, что я несу, это ужасно, правда? Но надо быть реалистами. Врач прописал мне таблетки, и я теперь тараторю без умолку, остановиться не могу! Вы лучше идите, а то я весь день могу проболтать... Вот ведь странно, еще в прошлом году мы с вами кайфовали в Сен-Тропе, а теперь... разошлись пути-дорожки! Но дети-то у нас остались, правда? Это самое главное. Не забывай, Джош – все еще твой лучший друг! – проорала она в спину уходящему Роберту.

Томас начал осваивать речь. Его первое слово было «свет» и почти сразу за ним – «нет». Все эти этапы заканчивались так быстро, на смену им приходили новые... Теперь и не вспомнить самое начало: когда Томас говорил не затем, чтобы поведать некую историю, а чтобы посмотреть, каково будет выйти из молчания в речь. Удивление постепенно сменялось желанием. Его больше не удивлял сам факт видения, теперь ему хотелось видеть что-то определенное. Однажды он заметил далеко впереди метлу (все остальные даже не успели разглядеть флуоресцентную куртку дворника). Пылесосы напрасно прятались от него за дверями: желание видеть подарило мальчику рентгеновское зрение. В присутствии Томаса невозможно было надолго остаться при ремне – он требовал его снять, а потом с самым серьезным видом размахивал им из стороны в сторону, изображая гудение некоего аппарата. Когда вся семья выбиралась из Лондона, родители нюхали цветочки и восхищались видами, Роберт искал удобные для лазанья деревья, а Томас – еще не настолько отошедший от природы, чтобы делать из нее культ, – устремлялся напрямиком к невидимому шлангу для полива, лежавшему в высокой некошеной траве.

На празднике по случаю его первого дня рождения Томас впервые пережил нападение. Внимание Патрика привлекла внезапная суета в противоположном конце гостиной: Томас неуверенно шагал вдоль стены и катил за собой деревянного кролика на колесиках, как вдруг к нему подскочил задира из его ясельной группы и дернул у него из рук веревку. Томас возмущенно завопил, потом разрыдался. Довольный хулиган зашагал прочь, с грохотом волоча за собой добычу.

Мэри подлетела к сыну и взяла его на руки. Роберт убедился, что брат цел, после чего отправился забирать кролика.

Томас сидел у мамы на коленях. Перестав плакать, он принял задумчивый вид – как будто пытался встроить в свою картину мира новые ощущения, связанные с болью и обидой. Потом он сполз с маминых коленей и встал на ноги.

– Кто этот ужасный мальчик? – спросил Патрик. – Первый раз вижу ребенка с таким зловещим лицом. Прямо какой-то Мао на стероидах.

Не успела Мэри ответить, как к ним подошла мать обидчика.

– Ох, простите, пожалуйста, – сказала она. – Элиот такой воинственный и активный, прямо как его папа. Не хочется подавлять его энергию и душевные порывы.

– Правильно, пусть этим займется пенитенциарная система, – сказал Патрик.

– Нет, пусть он лучше попробует свалить с ног меня! – воскликнул Роберт, отрабатывая в воздухе прием каратэ.

– Давайте не будем делать из кролика слона, – предложил Патрик.

– Элиот, – специальным притворным голосом обратилась к сыну мать, – отдай Томасу его кролика.

– Нет! – прорычал Элиот.

– Ну что с ним поделаешь! – воскликнула мать, умиляясь упорству своего сыночка.

Томас переключил внимание на каминные щипцы и начал шумно доставать их из ведра. Элиот решил, что зря украл кролика, бросил его и устремился к щипцам. Тогда Мэри взяла кролика за веревочку и протянула Томасу, а Элиот стал крутиться возле ведра, не в силах решить, что же лучше отнять. Томас сам протянул ему кролика, но Элиот отказался и с мучительным криком побежал к маме.

– Ты же хотел поиграть с щипцами! – запричитала та.

Патрик надеялся воспитать Томаса мудрее, чем воспитывал маленького Роберта, – хотя бы не внушать ему собственные тревоги и опасения. Препятствия всегда возникают в последний момент, когда их уже не ждешь. Но он так устал. Препятствия всегда возникают... разумеется... так оно и есть... какие-то нелепые попытки поймать собственный хвост... на другом конце долины лает собака... внешний и внутренний мир вгрызаются друг в друга... сон уже так близко... сном забыться, уснуть и видеть сны? Блядь! Патрик сел и додумал начатую мысль. Даже самое осознанное и просвещенное родительство наносит вред. Даже Джонни (на то он и детский психолог) нашел в чем себя обвинить: он создает у детей ложное чувство, будто он действительно их понимает, будто первым разгадывает все их чувства, пока они и сами-то ничего о себе не поняли, будто видит их подсознательные импульсы и желания. Они заключены в паноптикум его сочувствия и жизненного опыта. Он лишил их сокровенного – внутренней жизни. Быть может, самым мудрым и добрым поступком со стороны Патрика было бы разбить семью, столкнуть детей с незатейливой и основательной катастрофой. Рано или поздно всем детям нужно вырваться на свободу. Почему бы сразу не предоставить им этакую стенку для битья, трамплин для прыжка? Фух, нет, надо отдохнуть.

После полуночи Патрик только и думал что о чудесном докторе Земблярове – болгарине, врачевавшем местных деревенщин. По-английски он говорил очень быстро и с акцентом. «В нашей культуре есть только это, – разглагольствовал он, выписывая сложносочиненные рецепты, – *la pharmacologie*[4 - Фармакология (фр.)]. Живи мы в *Pacifique*[5 - Тихий океан (фр.)], мы могли бы хотя бы плясать, но современному человеку остается уповать лишь на химические манипуляции. В Болгарии я, к примеру, принимаю *de l'amphetamine*[6 - Амфетамин (фр.)]. Еду, еду, еду, вижусь с семьей, потом опять еду, еду, еду – и вот я снова в Лакосте».

Когда Патрик во время последнего визита робко попросил еще темазепама, доктор Зембляров упрекнул его в излишней скромности: «Mais il faut toujours demander[7 - Вы всегда должны спрашивать (фр.)]. Я и сам его принимаю – в поездках. Согласно l'administration[8 - Здесь: схема приема (фр.)], мы должны ограничиться тридцатью днями, так что я напишу «одну таблетку вечером, одну ночью». Разумеется, это неправильно, но вам хотя бы не придется часто ко мне ходить. Пропишу, пожалуй, стилнокс, это препарат из другого семейства – снотворные! А еще есть семейство барбитуратов», – добавил он со знающей улыбкой, заноса ручку над страницей.

Неудивительно, что Патрик вечно чувствовал себя разбитым и мог лишь урывками посвящать время детям. Сегодня Томас страдал. Новые зубы пробивались сквозь его истерзанные десны, щеки опухли и покраснели, и бедняга отчаянно искал, чем бы отвлечься. Вечером Патрик наконец нашел в себе силы на быструю экскурсию по дому. Первым делом остановились перед розеткой у зеркала. Томас взглянул на нее с тоской и вожделением, а потом быстро запричитал, предупреждая запрет отца: «Нет, нет, нет, нет!» Он сердито тряс головой, возводя между собой и розеткой высокий забор из «нет», но потом все же кинулся к ней, вооружившись импровизированной вилкой из двух мокрых пальчиков. Патрик подхватил его на руки и понес прочь. Томас возмущенно заорал и пару раз больно пнул отца между ног.

– Пойдем-ка посмотрим на стремянку, – охнул Патрик, чувствуя, что обязан предложить взамен поражению электрическим током забаву почти столь же опасную.

Томас узнал слово и успокоился: хлипкая, заляпанная краской алюминиевая стремянка в котельной обладала немалым потенциалом в сфере причинения увечий и смерти. Патрик легонько придерживал сына за талию, пока тот неуклюже карабкался на вершину. Когда его поставили на пол, он пошатнулся, рванул к бойлеру и едва не врезался в него на полном скаку: Патрик подоспел за секунду до столкновения. К тому времени силы его были на исходе. Он уже внес свою лепту в воспитание сына, хватит. Пора отдохнуть от отцовских обязанностей. Он вошел в гостиную, неся на руках извивающегося Томаса.

– Ну как? – спросила Мэри.

– Я без сил, – ответил Патрик.

– Неудивительно: ты ведь провел с ним целых полторы минуты.

Томас устремился к матери и на финише споткнулся. Мэри успела поймать его за секунду до удара головой об пол.

– Не представляю, как ты живешь без няни, – сказала Джулия.

– Не представляю, как бы я жила с няней. Мне всегда хотелось самой заниматься воспитанием детей.

– Да, материнство иногда захватывает человека целиком, – сказала Джулия. – Отмечу, что со мной такого не произошло, но я была так молода, когда родила Люси.

Дабы продемонстрировать, что от жары на этом солнечном юге спят кто угодно, Кеттл решила принарядиться к обеду: она спустилась в столовую в бирюзовом шелковом жакете и лимонно-желтых льняных брюках. Все остальные домашние, не вылезавшие из грязных маек в потных разводах и просторных штанов, решили оставить ее в покое – пусть побудет жертвой собственных высоких стандартов, раз ей так хочется.

Когда она вошла, Томас закрыл ладонями лицо.

– Ой, какая прелесть! – сказала Кеттл. – Что он делает?

– Прячется.

Томас резко отнял ладошки от лица и с разинутым ртом уставился на окружающих. Патрик отпрянул, делая вид, что глубоко потрясен его внезапным появлением. Для Томаса игра была новая, Патрику же она казалась старой как мир.

– Радует, что сын пока прячется у всех на виду, – сказал он. – С ужасом жду того момента, когда он решит выйти за дверь.

– Раз он нас не видит, значит и мы его не видим, – улыбнулась Мэри.

– Должна сказать, я его понимаю, – сказала Кеттл. – Мне бы тоже хотелось, чтобы все остальные видели мир таким же, каким его вижу я.

– Но ты отдаешь себе отчет, что это не так, – заметила Мэри.

– Не всегда, доченька, – ответила Кеттл.

– А я вот не уверен, что это история об эгоцентричном младенце и воспитанном взрослом, – ударился в теоретизирование Патрик (и напрасно). – Томас понимает, что мы видим мир по-другому, иначе бы не смеялся. Именно смена перспективы его и веселит. Он думает, мы начинаем видеть мир его глазами, когда он закрывает лицо, а стоит ему отнять ладошки, мы возвращаемся в себя.

– Ох, Патрик, вечно ты все усложняешь, – пожаловалась Кеттл. – К чему эти заумные рассуждения? Он просто ребенок, который играет в «ку-ку». Кстати, о прятках... – сказала она тоном человека, забирающего руль у пьяного водителя. – Помню, как мы с твоим папой поехали в Венецию – еще до свадьбы. В те дни от молодежи еще ждали соблюдения приличий, поэтому мы старались не привлекать к себе лишнего внимания. И конечно, первым же делом встретили в аэропорту Синтию и Лудо! Инстинктивно мы стали вести себя подобно Томасу – решили, если мы не будем на них смотреть, они нас не заметят.

– И как, получилось? – спросил Патрик.

– Увы, нет. Они тут же принялись орать наши имена на весь аэропорт, хотя дураку было ясно, что мы не хотим огласки. Впрочем, тактичность никогда не была сильной чертой Лудо. Естественно, нам пришлось охать от радости и издавать все подходящие случаю звуки.

– Но Томас-то хочет, чтобы его нашли. В этом вся соль, – сказала Мэри.

– А я и не говорю, что ситуация точно такая же, – не без раздражения прошипела Кеттл.

– Что такое «подходящие случаю звуки»? – спросил Роберт папу, когда они пошли в столовую.

– Любые звуки, которые издает Кеттл, – ответил тот, отчасти надеясь, что теща его услышит.

Масла в огонь подливала подчеркнутая неприязнь Джулии к Мэри, – впрочем, ее приязнь тоже вряд ли разрядила бы обстановку. Супружеская верность Патрика не подлежала сомнению (или все же подлежала?), вопрос был в другом: сможет ли он продержаться без секса еще хотя бы секунду? По сравнению с буйными аппетитами юности его нынешние желания имели трагический привкус: то были мечты о желаниях, метамечты, потребность иметь потребности. И еще неизвестно, сможет ли он теперь удержать эрекцию (а раньше не мог избавиться от чертова стояка). В то же время его желаниям пришлось стать проще, ограничиться объектом страсти – дабы скрыть свою трагическую природу. Теперь он мечтал не о том, что мог получить, а о былых способностях, которые уже не вернуть. И что он станет делать, если все-таки добьется Джулии? Сошлется на усталость, конечно. На семейные проблемы и заботы. Да, он переживает самый натуральный кризис среднего возраста (смирись и признай, милый, сразу полегчает), но в то же время это не так, ибо кризис среднего возраста – клише, этакий словесный темазепам, призванный усыплять чувства, а его теперешние чувства даже не думают засыпать – в три, блядь, тридцать утра!

Это неприемлемо: урезанные горизонты, подступающий маразм. Нет уж, очки с толстыми линзами, которых требует его теперешнее зрение мистера Магу, он покупать не станет. Какой-то гнусный грибок попал в его кровь и размывает картинку. Если порой у окружающих и складывается впечатление, что разум его по-прежнему остр, то это лишь иллюзия. Его речь подобна пазлу, который он складывал сотни раз и теперь может делать это по памяти. Мозг больше не проводит новых связей. Это в прошлом.

Издали донесся крик Томаса. Звук был невыносим. Хотелось утешить сына. И еще хотелось, чтобы его, Патрика, утешила Джулия. И чтобы утешившийся Томас утешил Мэри. Чтобы у всех все стало хорошо. Нет, это невыносимо! Патрик откинул одеяло и зашагал взад-вперед по комнате.

Томас быстро успокоился, но его плач запустил в Патрике неуправляемую реакцию. Он пойдет в комнату Джулии. Он вырвется из жалкой каморки своего существования на поле пылающих маков. Патрик медленно отворил дверь, чуть приподнимая ее на петлях, чтобы они не скрипнули, затем осторожно прикрыл, чтобы ручка не щелкнула. Медленно впустил язычок замка в паз. Коридор был

заботливо подсвечен ночником. Точнее, был залит светом от края до края, точно тюремный двор. Патрик пошел по нему, бесшумно наступая с пятки на носок, до самого конца – к приоткрытой двери в комнату Люси. Надо было сначала убедиться, что она у себя. Да. Отлично. Он вернулся к комнате Джулии. Сердце колотилось. Он чувствовал себя ужасающе живым. Прикинув к двери, он стал слушать.

Что теперь? Как отреагирует Джулия, если он сейчас войдет в ее комнату? Вызовет полицию? Затащит его в постель, шепча: «Ну где же ты пропадал?» Может, будить ее в четыре утра – не самый разумный и тактичный поступок. Может, лучше дождаться следующего вечера. Ноги начинали мерзнуть – пол, покрытый шестиугольной кафельной плиткой, был ледяной.

– Пап...

Он обернулся и увидел Роберта: бледный и хмурый, он стоял в дверях своей комнаты.

– Привет, – шепнул ему Патрик.

– Что ты здесь делаешь?

– Хороший вопрос. Я услышал плач Томаса... – (что ж, это хотя бы правда), – и решил его проведать.

– Тогда почему стоишь у комнаты Джулии?

– Боялся разбудить Томаса – вдруг он уже заснул, – объяснил Патрик.

Конечно, умного не по годам Роберта такой чушью не проведешь, но и правду ему знать рановато. Через пару лет уже можно будет предложить сыну сигару и сказать: «Да вот, знаешь ли, *mezzo del cammin*, решил немного встряхнуться – небольшая интрижка должна пойти мне на пользу». Роберт хлопнет его по плечу и скажет: «Понимаю, старик. Удачи и хорошей охоты!» Ну а пока ему всего шесть, и правду от него надо скрывать.

Тут, словно решив подсобить отцу, Томас издал громкий мучительный вопль.

– Ладно, зайду, – сказал Патрик. – Мама и так всю ночь его таскает. – Он стоически улыбнулся Роберту и поцеловал его в лоб. – А ты ложись спать.

Роберт, явно ему не поверив, ушел к себе.

Ночник в захлавленной комнате Томаса отбрасывал на пол тусклый оранжевый свет. Патрик кое-как пробрался к постели, куда Мэри каждую ночь перекладывала Томаса из ненавистной кровати, спихнул на пол десяток мягких игрушек и сел на матрас. Томас вертелся и извивался, пытаясь занять удобное положение. Патрик пристроился рядом на краешке кровати: уснуть в этой селечной бочке, конечно, не получится, но можно попробовать отключить мысли и немного передохнуть. Если удастся хотя бы погрузиться в дрему, добиться расслабленного сонного состояния без сновидений – это уже хорошо. Надо просто забыть всю эту историю с Джулией. Какую еще историю?

Возможно, Томас вырастет нормальным человеком. О чем еще можно мечтать?

Патрик начал соскальзывать в полумысли... четверть-мысли... все ниже, ниже...

И тут его с размаху пнули в нос. Ноздри и рот заполнил теплый металлический привкус.

– Господи!.. Кажется, у меня кровь из носа течет.

– Бедняжка, – сонно пробормотала Мэри.

– Пойду-ка я лучше к себе, – прошептал он и скатился на пол.

Вернув на место плюшевых телохранителей Томаса, он кое-как поднялся на ноги. Колени болели. Наверно, артрит. Может, сразу переехать в мамин дом престарелых? А что, очень удобно...

Он поплелся по коридору в свою комнату, указательным пальцем зажимая ноздрю. На пижаме алели пятна крови: вот тебе и маковое поле. На часах пять утра, слишком поздно для одной половины жизни и слишком рано для другой. Сон Патрику не светит, это точно. В таком случае можно спуститься на кухню, выпить литр полезного органического кофе и заняться, например, счетами.

Кеттл, в темных очках и огромной соломенной шляпе, уже сидела за каменным столиком. Положив вместо закладки посадочный билет, она закрыла биографию королевы Марии, написанную Джеймсом Поупом-Хеннесси, и оставила ее рядом с тарелкой.

– Я будто во сне! – сказал Патрик, подкатывая к столу мать в инвалидном кресле. – Обе наши мамы за одним столом.

– Будто... во сне... – неопределенно откликнулась Элинор.

– Как ты, душенька? – ощетиниваясь равнодушием, спросила ее Кеттл.

– Очень...

Элинор с трудом закончила предложение, но слово «хорошо» прозвучало в ее исполнении так пронзительно, словно она на всех парах мчалась к «плохо» или «странно» и лишь в последний момент увернулась. Широкая улыбка обнажила место стоматологической катастрофы, последствия которой Патрик так часто просил устранить – тщетно, мать до последнего благотворительного вздоха отказывалась тратить деньги на себя. Те жалкие гроши, что оставались у нее после оплаты лечения и проживания в доме престарелых, она копила для Шеймуса – на установку камеры сенсорной депривации. Тем временем сама Элинор твердо решила устроить себе другую депривацию – пищевую. Ее язык угрюмо бродил меж разбитых обломков в поисках хотя бы одного целого зуба и находил болезненные сокровенные местечки, куда пища не должна была попасть ни в коем случае.

– Пойду помогу на кухне, – скорбно произнес Патрик и в похвальном порыве трудолюбия умчался по лужайке – так пловец торопится вынырнуть на поверхность после долгого погружения.

Он отдавал себе отчет, что пытается сбежать не столько от матери, сколько от пагубной смеси тоски и гнева, ощущаемой всякий раз, когда он ее видит или

даже думает о ней. Но проект явно был долгосрочный. «На это уйдет не одна жизнь», – мысленно предупреждал он себя приторно-нежным голосом. При одной мысли о предстоящем обеде он испытывал острую необходимость поместить между собой и матерью как можно больше зеленых лужаек, причем в самом буквальном смысле. Утром, когда он приехал за ней в дом престарелых, она уже сидела у окна и держала на коленях сумочку – как будто давным-давно собралась в путь. Прямо с порога она вручила ему карандашную записку, в которой сообщила, что хочет передать «Сен-Назер» фонду как можно скорее, а не после своей смерти. В прошлом году Патрику удалось потянуть время, но получится ли теперь? Элинор хотела «отпустить эту ситуацию» и нуждалась в помощи и «благословении» сына. В тексте явственно чувствовалось влияние Шеймусовой риторики. Наверняка тот уже подготовил особый ритуал – индейский трансовый танец, призванный отпустить все, что должно быть отпущено, узреть гармонию макро- и микрокосмоса, материземли и неба-отца, символического и существующего, а заодно быстро и навсегда очистить священные земли «Сен-Назера» от семейства Мелроуз. Всякий раз, попадая в собачью свару противоречивых эмоций, Патрик краем глаза замечал в себе желание избавиться от долбаной усадьбы. Глядишь, когда-нибудь он сам «отпустит ситуацию», забронировать «уик-энд с целительными барабанами» в «Сен-Назере» и попросит Шеймуса помочь ему навсегда проститься с фамильным гнездом, излечить «трансом» самое детское и сокровенное.

Прячась в оливковой роще, Патрик представил, как распахивает душу перед сборищем неошаманов и неошаманок: «Никогда не думал, что это возможно, но я должен употребить слово „счастье“... Я испытал огромное счастье, вернувшись в дом моего детства, чтобы раз и навсегда отпустить эту тему (одобрительные вздохи и кивки). Было время, когда я недолюбливал и... да, ненавидел Шеймуса, фонд и родную мать, но теперь моя ненависть чудесным образом трансформировалась в благодарность. Говорю это от чистого сердца (тут его голос слегка дрогнет): Шеймус стал для меня не только чудесным наставником и учителем, но и самым настоящим другом (аплодисменты и грохот погремушек)».

Патрик с саркастичной усмешкой выкинул из головы эту дурь и сел на землю спиной к усадьбе, прижавшись к узловатому раздвоенному стволу старой оливы – всю жизнь он прятался здесь, когда хотел подумать. Патрик вынужден был постоянно напоминать себе, что Шеймус – не отъявленный негодяй и мошенник, обманом лишивший старуху ее имущества. Элинор и Шеймус растлили друг друга щедростью своих добрых намерений. Шеймус, возможно, так и творил бы добро, меняя судна в Наване (единственном городе Ирландии, название которого представляет собой палиндром), а Элинор так бы и жила себе на одних

сухарях, отдавая весь доход слепым или жертвам пыток или на медицинские исследования. Но так вышло, что они встретились и совместными усилиями возвели монумент предательству и притворству. Вместе они спасут мир. Вместе они станут развивать самосознание человечества, оупляя и без того опасно тупую аудиторию. Своей патологической щедростью Элино́р загубила все хорошее, что было в Шеймусе, а тот своими идиотскими представлениями о мире загубил все хорошее, что было в Элино́р.

Почему она вообще стала такой добренькой? Патрик чувствовал, что в основе ее чрезмерно амбициозного альтруизма лежит ненависть к собственной матери. Элино́р как-то рассказывала ему историю о первом званом ужине, на который ее повезла мама. Дело было в Риме сразу после Второй мировой. Элино́р недавно исполнилось пятнадцать, и она только что вернулась домой из пансиона в Швейцарии – на каникулы. Мать, богатая американка и убежденный сноб, развелась с обаятельным распутником и пьянчужкой – отцом Элино́р – и вышла замуж за французского герцога Жана де Валансе, отличавшегося низким ростом, скверным нравом и одержимостью всем, что имело отношение к титулам и генеалогии. На разбитой и потрепанной сцене околокоммунистической республики герцог, целиком зависящий от свежеприобретенного промышленного богатства жены, окончательно помешался на собственной родословной. Тем вечером Элино́р сидела в огромной маминной «испано-сюизе», припаркованной возле разрушенного бомбардировками дома, неподалеку от сияющих окон усадьбы княгини Колонна. Отчиму нездоровилось, что не помешало ему, нежась в огромной резной кровати эпохи Возрождения (принадлежавшей его роду с тех пор, как месяц назад ее купила Мэри), взять с жены клятву, что в дом княгини она войдет только после герцогини ди Дино – поскольку занимает по отношению к той более высокое положение. Высокое положение, как выяснилось, означало, что Мэри должна опоздать – или дожидаться своего часа за углом, в машине. Рядом с водителем сидел лакей: его периодически посылали к дому княгини проверить, не явилась ли младшая по чину герцогиня. Элино́р была робкой и открытой девушкой с идеалистическими взглядами: она бы куда охотнее поболтала с кухаркой, чем с гостями, для которых эта кухарка готовила еду. И все же она сгорала от любопытства, ей не терпелось попасть на свой первый званый ужин.

– Может, все-таки пойдём? Мы ведь даже не итальянцы...

– Жан меня убьёт, – ответила мать.

– Что ты, он не может себе это позволить, – сказала Элино́р.

Ма́ть окаменела. Элино́р сразу выругала себя за такие слова, но все же ощутила и намек на подростковую гордость: в ее картине мира честность занимала более высокое положение, чем этикет! Она выглянула из стеклянной клетки мамино́го автомобиля на улицу и увидела, что к ним приближается бродяга в бурых лохмотьях. Когда он подошел, Элино́р разглядела острые черты его лица, напоминающего череп, и зверский голод в глазах. Он постучал в окно, показал на свой рот, умоляюще воздел руки к небу и снова показал на рот.

Элино́р посмотрела на ма́ть. Та глядела прямо перед собой – ждала извинений.

– Давай ему подадим, – предложила Элино́р. – Он же умирает от голода!

– Я тоже, – сказала Мэри, так и не взглянув на нищего. – Если эта итальянка не покажется в ближайшее время, я сойду с ума!

Она постучала в стеклянную перегородку и нетерпеливо махнула лакею.

Весь званный ужин Элино́р провела в муках своей первой филантропической лихорадки. Отрицание аристократических ценностей вкупе с идеализмом создавали упоительный образ босоногой святой, которая всю жизнь будет помогать людям – кому угодно, лишь бы не родным. Через несколько лет ма́ть ускорила выход дочери на путь самоотречения – умирая от рака, она поддалась откровенной травле со стороны мужа и завещала ему практически все свое состояние. Герцог был глубоко оскорблен первой версией завещания, согласно которому он мог распоряжаться состоянием покойной жены лишь при жизни, а после его смерти все досталось бы падчерицам. Неужели Мэри так плохо о нем думает? Разве может он оставить любимых дочерей без наследства? Разумеется, именно так он и поступил: перед смертью завещал все племяннику. Элино́р к тому времени была настолько увлечена духовными поисками, что даже не призналась себе, как глубоко ее потрясла потеря фамильного богатства. Свою обиду она передала Патрику – в идеальном состоянии, точно антикварную вещь из тех, что Жан скупал в огромных количествах на деньги жены. Если Мэри нравились герцоги, то Элино́р отдавала предпочтение молодым знахарям, но суть от этого не изменилась, формула осталась прежней, несмотря на очевидную социальную депрессию: оставить собственных детей ни с чем ради некоего возвышенного представления о самой себе как о знатной даме или о

юродивой – не важно. Элино́р завещала новому поколению те части собственного существования, от которых мечтала избавиться – развод, предательство, ненависть к матери, лишение наследства, – пестуя идею о своем вкладе в спасение мира, приход эры Водолея, возвращение к истокам христианства, возрождение шаманизма... Увлечения Элино́р с годами претерпевали изменения, но ее роль оставалась неизменной – роль героической, самоотверженной, неунывающей провидицы, гордо и напоказ несущей свое смирение. Она устроила себе психологический апартеид – заморозила по отдельности две части своей личности: отверженную и подающую надежды. На том ужине в Риме она заняла немного денег у знакомых и выскочила на улицу, чтобы спасти жизнь голодающему бродяге. Поблуждав по кварталу, она вдруг осознала, что за шесть лет, минувших после окончания войны, городские улицы еще не в полной мере оправались от потрясения (в отличие от пировавших в особняке гостей). Она невольно осознала, что притягивает к себе взгляды: юная девушка в голубом бальном платье, стоящая среди развалин и крыс с крупной купюрой в руке. Рядом зашевелились тени, и Элино́р в страхе припустила к маминому автомобилю.

Пятьдесят пять лет спустя она по-прежнему блуждала в поисках приемлемого способа осуществления своей мечты – стать хорошей. Когда что-то шло не так (а случалось это постоянно), неприятным переживаниям не позволялось отравлять душу страстного подростка: их отправляли на свалку неприятных переживаний. Тайная черная половина Элино́р становилась все подозрительнее и злее, чтобы другая – видимая – половина могла по-прежнему быть легковверной и пылкой. До Шеймуса Элино́р сменила множество соратников и каждому поначалу беззаветно доверяла свою судьбу. В какой-то момент каждый из них – на пике сияющего совершенства – получал внезапный отказ, и больше его имя никогда не упоминалось. История умалчивала и о том, чем именно эти люди заслужили немилость Элино́р. Болезнь поспособствовала ужасающему слиянию двух ее «я», которые она так усиленно пыталась развести в стороны. Патрику было любопытно, сработает ли схема «доверие – немилость» и на сей раз. Ведь если Шеймус наконец уйдет со сцены, Элино́р уничтожит фонд с той же резвостью, с какой его воздвигала. Надо выждать еще хотя бы год – и... Ну вот, он по-прежнему тешит себя надеждой заполучить усадьбу.

Патрик помнил, как бродил по комнатам и садам полудюжины образцово-показательных бабушкиных домов. На его глазах фамильное состояние мирового класса схлопнулось до весьма скромного дохода, который Элино́р и тетя Нэнси имели с небольшого наследства, полученного до того, как мать окончательно прогнулась под напором лжи и угроз второго мужа. Кому-то могло показаться,

что сестры богаты: у каждой по городскому и загородному дому в престижных районах, можно не работать и вообще ничего не делать – ни ходить за продуктами, ни стирать, ни ухаживать за садом, ни готовить. Однако по сравнению с былым богатством сестры едва сводили концы с концами. Нэнси, до сих пор жившая в Нью-Йорке, прочесывала каталоги международных аукционов в поисках ценных вещиц, которые должны были принадлежать ей. Когда Патрик приехал в гости к тетушке на 69-ю улицу, она, едва предложив ему чашку чая, сразу уткнулась в элегантный черный каталог женевского «Кристис». Внутри была фотография двух свинцовых жардиньерок, украшенных золотыми пчелами, которые только что не жужжали среди цветущих серебряных веточек. Жардиньерки были изготовлены по заказу Наполеона.

– А мы в детстве даже внимания на них не обращали, – с горечью произнесла Нэнси. – Понимаешь? Вокруг было столько красоты, и она просто мокла под дождем на террасе! Полтора миллиона долларов – столько племянничек выручил за мамины цветочные горшки. Разве не обидно, что твоим детям ничего из этого не достанется? – спросила она, водружая на столик очередную партию альбомов и каталогов, дабы соотнести стоимость утраченных вещей с их сентиментальной ценностью.

Два часа подряд она вливала ему в уши яд своего гнева.

– Да ведь это было тридцать лет назад, – время от времени пытался вставить Патрик.

– Так-то оно так, но племянничек до сих пор каждую неделю выставляет на торги мамины вещи, – зарычала Нэнси в попытке оправдать свою одержимость.

Эта непрекращающаяся драма обмана и самообмана вогнала Патрика в чудовищную депрессию. Он помнил всего один по-настоящему счастливый момент: когда Томас в порыве незамысловатой детской любви впервые поприветствовал его, широко раскинув руки ему навстречу. Чуть ранее, утром, они вместе обошли террасу в поисках гекконов: искали их за всеми ставнями. Томас хватал ставню и не успокаивался, покуда отец не снимал крючок. Иногда на стене действительно сидел геккон – он тут же устремлялся к ставне этажом выше, а Томас, удивленно округляя губы, показывал на него пальцем. Геккон теперь напоминал Патрику о том дне, о мгновениях совместной радости. Патрик чуть склонял голову набок, чтобы их с Томасом взгляды поравнялись, и называл все, что встречалось им на пути. «Валериана... камелия... инжирное дерево...»

Томас молча слушал, слушал и вдруг воскликнул: «Габли!» Патрик пытался представить себе его картину мира, но тщетно: ему с трудом удавалось разглядеть даже собственную. А ночью его ждал обязательный экспресс-курс истинного отчаянья, лежавшего в основе безвкусных, отрешенных, местами приятных дней. Томас был его антидепрессантом, но эффект быстро улетучивался: поясница не выдерживала нагрузки, и Патрика охватывал страх ранней смерти. А вдруг он умрет раньше, чем дети встанут на ноги или хотя бы будут в состоянии пережить боль утраты? Никаких веских причин верить в свою преждевременную кончину у него не было, просто это самый верный и вопиющий способ предать детей вопреки собственной воле. Томас стал великим символом надежды, не оставив ни капельки остальным.

Слава богу, сегодня приедет Джонни. Патрик, видимо, упустил нечто важное, и друг непременно должен во всем разобраться, пролить свет на ситуацию. Нетрудно понять, что ты болен, гораздо сложнее – почувствовать, что значит быть здоровым.

– Патрик!

За ним пришли. Он слышал, как Джулия зовет его по имени. Может, она придет к нему за оливой и по-быстрому отсосет? Тогда за обедом у него будет легче и светлее на душе. Прекрасная мысль. Ночью он стоял под ее дверью. Боролся со стыдом и безысходностью.

Патрик кое-как встал. Колени ни к черту. Старость и смерть. Рак. Прочь из личного пространства в сумятицу толпы – или прочь из сумятицы личного пространства в незаметно затягивающее болото обязательств перед близкими? Заранее не узнаешь, как именно все пойдет.

– Джулия! Привет, я тут.

– Меня попросили тебя найти, – сказала она, осторожно ступая по неровной земле оливковой рощи. – Ты что, прячешься?

– Не от тебя, – ответил Патрик. – Подойди, присядь на минутку.

Джулия села, и они вместе прижались спинами к раздвоенному стволу.

- Уютненько! - сказала она.

- Я с детства тут прячусь - странно, что до сих пор не просидел в земле яму...

Патрик умолк. Признаться ей? Или не стоит?

- Ночью я стоял под твоей дверью - в четыре утра.

- Что же не вошел?

- А ты была бы рада меня видеть?

- Конечно. - Джулия нагнулась и чмокнула его в губы.

Патрик сразу воодушевился и представил: он, молодой, катается по земле среди острых камней и сухих веток, мужественно хохоча над комарами, впивающимися в его обнаженную плоть.

- Что тебе помешало? - спросила Джулия.

- Роберт. Он вышел в коридор и увидел меня под твоей дверью.

- В следующий раз не стой под дверью.

- А будет следующий раз?

- Почему нет? Тебе одиноко и скучно, мне одиноко и скучно.

- Бог мой, - сказал Патрик, - какая выйдет чудовищная концентрация скуки и одиночества в одной комнате, если мы встретимся.

- А может, у них противоположные заряды и они друг друга нейтрализуют.

- Твоя скука заряжена положительно или отрицательно?

- Положительно. И я абсолютно, положительно одинока.

- Что ж, тогда ты права, - улыбнулся Патрик. - В моей скуке есть что-то очень отрицательное. Надо провести лабораторный эксперимент в контролируемых условиях и посмотреть, чем это закончится: полной нейтрализацией скуки или перегрузкой одиночеством.

- Слушай, я должна вернуть тебя за стол - и как можно скорее, - сказала Джулия. - Иначе все решат, что у нас интрижка.

Они поцеловались. С языками. Патрик и забыл про языки. Он чувствовал себя подростком, который спрятался с подружкой за дерево и учится целоваться. Патрик ожил - чувство было потрясающее, даже мучительное. Вся его затаенная тоска по близости хлынула в руку, которую он положил на живот Джулии.

- Вот только сейчас меня не заводи, - сказала она. - Имей совесть.

Они со стоном поднялись.

- Когда я уходила из-за стола, приехал Шеймус. - Джулия отряхнула юбку от пыли. - Сразу взялся за Кеттл - вводит ее в курс дел.

- А что Кеттл?

- Мне кажется, она прониклась к нему теплыми чувствами - назло тебе и Мэри.

- Конечно. Я не удивлен. Если бы ты не пришла и не выбила меня из колеи, я бы и сам догадался.

Они направились к каменному столу, стараясь не слишком улыбаться и не слишком хмуриться. Патрик явственно ощутил, как возвращается под микроскоп семейного внимания. Мэри ему улыбнулась. Томас радостно раскинул руки. Роберт молча смотрел - умно, пугающе, пронизательно. Патрик подхватил Томаса и улыбнулся Мэри, думая: «Можно улыбаться, улыбаться и быть мерзавцем». Потом он сел рядом с Робертом, чувствуя себя как на защите заведомо виновного клиента перед несговорчивым судьей. Роберт все видел и все замечал. Патрик восхищался его умом, но, в отличие от Томаса, который

устраивал его депрессии короткое замыкание, Роберт внушал ему мысли о подспудной неизбежности деструктивного влияния родителей на детей – точнее, его деструктивного влияния на собственных детей. И пусть Патрик – любящий отец, пусть он не наделает гнусных ошибок, допущенных его родителями, но он берется за дело с опаской, чем выводит напряжение на новый уровень – и Роберт это чувствует. С Томасом он другой – легче, свободнее, если человек вообще может быть легче и свободнее в условиях тягости и несвободы. Какой кошмар. Надо выспаться, хотя бы раз проспять всю ночь напролет. Патрик налил себе красного вина.

– Рад тебя видеть, Патрик! – сказал Шеймус, потирая ему спину.

Вот бы врезать гаду.

– Шеймус рассказал мне про свои семинары, – сказала Кеттл. – Должна признать, я заинтригована!

– Так запишитесь, – предложил Патрик. – Это единственный шанс увидеть усадьбу в сезон черешни.

– О да! – воскликнул Шеймус. – Черешня здесь особенная, поверьте. Мы даже посвятили этим плодам жизни особый ритуал.

– Какая заумь, – сказал Патрик. – Неужели нельзя рассматривать черешню как плод черешневого дерева? Или она от этого станет менее вкусна?

– Черешня... – молвила Элиноор. – Да... нет... – Она поспешно, обеими руками стерла зародившуюся мысль.

– Элиноор ее обожает. Вкус потрясающий, правда? – сказал Шеймус, ободряюще стискивая ее ладонь. – Всегда привожу ей в дом престарелых миску свежесобранных ягод.

– В качестве арендной платы, видимо. – Патрик опустошил бокал.

– Нет... – в панике возразила Элиноор. – Не плата!..

Патрик сообразил, что расстраивает мать. Выходит, даже сарказм теперь под запретом. Все дороги перекрыты. Он плеснул себе еще вина. Однажды ему придется смириться с потерей, но бороться он будет до последнего – потому что не может иначе. Вот только с чем бороться? Сколько сил он потратил, чтобы оформить мамин каприз в полном соответствии с законом! Она (в упор не видя иронии происходящего) поручила сыну лишить себя наследства, и Патрик послушно исполнил ее волю. Порой ему приходила мысль умышленно внести какую-нибудь ошибку в документы. Он часами просиживал на межюрисдикционных встречах с нотариусами и адвокатами, обсуждая лучший способ обойти закон из кодекса Наполеона о его, Патрика, обязательной доле в наследстве, вопросы регистрации благотворительных фондов, налогообложения и бухгалтерского учета. После каждой такой встречи план по передаче усадьбы фонду становился все надежнее и вернее. Единственной лазейкой оставался заем в размере рыночной стоимости усадьбы, который Элинор предоставляла фонду, а потом простила бы в завещании, но и эту зацепку она собралась уничтожить. Изначально Патрик заботился только об интересах матери и не тешил себя надеждой, что однажды она захочет воспользоваться лазейкой, но теперь, когда последняя надежда умирала, он осознал, что все это время тайком ее лелеял. Только она и держала его на плаву, на небольшом, но критическом расстоянии от правды. Скоро Патрик потеряет «Сен-Назер», и поделаться с этим ничего нельзя. Его мать – дура, начисто лишенная материнского инстинкта, а жена променяла его на Томаса. Ладно хоть верный друг остался... Патрик тихо всхлипнул и налил себе еще вина. Точно, надо напиться и прилюдно обругать Шеймуса. А может, не надо. В конце концов, на дурное поведение нормальный человек тратит даже больше сил, чем на хорошее. И в этом его, нормального человека – не психопата, – главная беда. Все дороги перекрыты.

Вокруг, несомненно, разыгрывался очередной скандал, но Патрик настолько погрузился в свои мысли, что почти ничего не замечал. Если все же вскарабкаться по скользким стенам колодца, что его ждет наверху? Кеттл, отстаивающая воспитательные методы времен королевы Марии, и Шеймус, источающий кельтское обаяние? Патрик окинул взглядом долину – рассадник детских воспоминаний и ассоциаций. Ровно посередине стоял безобразный фермерский дом Модутов – в детстве Патрик часто играл с их придурковатым сыном Марселем. Во дворе по-прежнему росли две огромные акации. Мальчики мастерили копья из бледно-зеленого тростника с берегов местной речушки. Эти копья они метали в птичек, которые всегда умудрялись слететь с ветки за несколько минут до попадания в них снаряда. Когда Патрику было шесть, Марсель пригласил его на ферму – посмотреть, как папа будет обезглавливать курицу. Нет ничего смешнее и интереснее, чем наблюдать за обезглавленной

курицей, которая носится кругами по двору в поисках своей головы, пояснил Марсель. Это надо видеть! Мальчики сели в тенечке под акациями и стали ждать. Из коричневатого изрезанного пня под удобным углом торчал старый топор. Марсель заплясал вокруг него, точно индеец с томагавком, снося головы воображаемым врагам. Из далекого курятника донеслось встревоженное кудахтанье. К тому моменту, когда папа Марселя вышел во двор с курицей в руках, беспомощно молотившей крыльями по его громадному брюху, Патрик мысленно встал на ее сторону. Ему захотелось, чтобы именно эта курица смогла убежать. Она явно предчувствовала скорую кончину. Ее распластали на пне, месье Модут замахнулся, ударил топором, и куриная голова покатила к его ногам. Затем он быстро поставил обезглавленную тушку на землю, огладил по бокам и хлопком отправил в последнюю отчаянную погоню за свободой. Марсель тем временем улюлюкал, гоготал и показывал на курицу пальцем. Рядом лежала куриная голова: она уставилась в небо, а Патрик уставился на ее глаза.

Прикончив четвертый бокал, он обнаружил, что его фантазии приняли оттенок викторианской мелодрамы. В памяти сами собой возникали мрачные сцены, и прекращать это не хотелось. Он представил раздутое тело утопившегося в Темзе Шеймуса. Материнское инвалидное кресло потеряло управление и несло по тропинке прямо к обрыву на морском побережье Дорсета. Когда мать свалилась с обрыва, Патрик обратил внимание на великолепный фон – как с брошюр Национального фонда. Когда-нибудь он действительно смирится с потерей, примет факты, отпустит ситуацию – а пока можно с чистым сердцем представить, как добавляешь последние штрихи к подделанному завещанию матери и полуголая Джулия, сидя на краешке бюро, поражает тебя затейливостью нижнего белья. А пока можно плеснуть в бокал еще капельку вина.

Сидевший на коленях у мамы Томас потянулся вперед, и Мэри, как всегда моментально разгадав его намерения, подала ему печенье. Он с довольным видом откинулся ей на грудь, в сотый раз убедившись, что любое его желание моментально исполняется. Патрик попробовал отыскать в себе зависть – безуспешно. Малолетний сын будил в нем самые разные нехорошие чувства, однако соперничества среди них не было. Ага, вот в чем фокус: надо постоянно поддерживать в себе высокий уровень презрения к родной матери, чтобы для ревности просто не осталось места. У Томаса будут все опоры, все фундаментальные основы для счастливой жизни, которых, очевидно, не досталось Патрику. Томас вновь подался вперед, что-то вопросительно пролепетал и протянул печенье Джулии. Та взглянула на мокрое обглоданное лакомство, скривила губы и выдала:

– Ф-фу! Нет, спасибо большое.

Патрик вдруг понял, что не сможет заняться любовью с женщиной, которая настолько равнодушна к щедрости его сына. Или сможет? Несмотря на внезапную смену настроения, похоть его по-прежнему была жива, прямо как та обезглавленная курица. Патрик пребывал в состоянии пьяной псевдоотрешенности – то есть на небольшом подъеме, с которого ему предстояло скатиться в болото амнезии и самобичевания. Он осознал, что должен наконец заняться своим физическим и психическим благополучием. Однажды он смирится с потерей, но прежде надо понять, что он к этому готов, – готовность придет сама собой, и ускорить процесс невозможно. Зато можно хотя бы подготовиться к своей готовности. Патрик откинулся на спинку стула и удовлетворенно заключил: до конца месяца его главная и единственная задача – приготовиться быть готовым к душевному благополучию.

8

– Как ты? – спросил Джонни, раскуривая дешевую сигару.

Вспыхнувшая спичка внесла немного цвета в монохромный, озаренный лунным светом пейзаж. После ужина два друга вышли на улицу – покурить и поговорить. Патрик взглянул на серую траву, затем поднял глаза к небу, с которого буйная луна начисто стерла все звезды. Как бы начать? Минувшей ночью ему все-таки удалось абстрагироваться от инцидента с оскорбительным «ф-фу»: он прокрался в спальню Джулии и пробыл там до пяти утра. Сексом он занимался в каком-то спекулятивном тумане, который не рассеялся даже под напором его импульсивности и ненасытности. Патрик настолько увлекся изучением своих чувств, связанных с изменой, что совершенно забыл о чувствах Джулии. Каково это – вновь оказаться внутри женщины, которая (если не считать относительно расплывчатой реальности ее ног, рук и кожи) прежде всего является для него объектом ностальгии? Какое тут «обретенное время»! Да, он оказался боровом у корыта постыдных чувств, но этому состоянию не хватало спонтанной потери чувства времени, свойственной произвольной памяти и ассоциативному мышлению. Где неровная мостовая и серебряные ложки его жизни? Если он даже случайным образом на них наткнется, возникнут ли тотчас мосты – те, что странным образом парят сами по себе, не принадлежа ни изначальному, ни его

копиям, ни прошлому, ни быстротечному настоящему, но какому-то другому, улучшенному настоящему, победившему линейность времени? У Патрика не было оснований думать, что это произойдет. Он чувствовал, что лишен не только обыкновенной магии обостренного воображения, но даже еще более обыкновенной магии погруженности в собственные физические ощущения. Нет, он не станет ругать себя за недостаточную скрупулезность в получении сексуального удовольствия. Любый секс – проституция, причем для обоих партнеров. Не обязательно в коммерческом смысле, но в более глубинном этимологическом смысле они подменяют собой нечто другое. И пусть порой это делается столь эффективно, что в течение долгих недель или даже месяцев тебе кажется, будто истинный объект желаний и человек, с которым ты оказался в постели, – одно и то же, рано или поздно лежащую в основе модель начнет потихоньку уносить прочь от иллюзорного дома. С Джулией получилось очень странно: она подменяла саму себя двадцатилетней давности, любовницу той славной поры, когда дрейф еще не начался.

– Иногда сигара – это просто сигара, – сказал Джонни, сообразив, что друг не горит желанием отвечать на его вопрос.

– Иногда – это когда? – уточнил Патрик.

– До того, как ты ее зажег. А вот потом она превращается в верный признак фиксации личности на оральной стадии.

– Я бы не стал курить твою сигару, если бы не бросил курить, – сказал Патрик. – Хочу, чтобы ты это понимал.

– Прекрасно понимаю, – кивнул Джонни.

– Детскому психологу по долгу службы приходится выслушивать ответы окружающих на вопрос «как ты?». По идее, я должен ответить, что все хорошо, но с тобой буду честен: все плохо.

– Плохо?

– Жизнь – ужас и хаос. Мой эмоциональный мир обваливается в бессловесность – не только потому, что Томас еще не научился говорить, а Элинор уже разучилась, но и потому, что сам я чувствую внутреннюю беспомощность: все,

что мне подвластно, окружено беспредельностью неподвластного. Это примитивное и очень мощное чувство. У меня не осталось дров для костра, чтобы отпугивать диких зверей, – в таком духе. Но больше всего смущает другое: дикие звери – та часть меня, которая сейчас побеждает. Я не могу помешать им уничтожить меня, не уничтожив их, но, уничтожив их, я уничтожу самого себя. И даже это не в полной мере отражает хаос моей жизни, слишком упорядоченно звучит. А жизнь моя скорее похожа на мультяшную кошачью свару: клокочущая чернота, от которой в разные стороны летят восклицательные знаки.

– Похоже, ты прекрасно разобрался, что к чему, – сказал Джонни.

– Это должно быть подспорьем, но ведь я сейчас пытаюсь описать свое полное непонимание происходящего, – стало быть, это помеха.

– Не помеха тому, чтобы рассказывать о хаосе. Помехой оно будет только в том случае, если ты попытаешься свой хаос как-то манифестировать.

– Может, я и хочу его манифестировать – чтобы он принял наконец материальную форму и перестал быть невыносимым состоянием души.

– Уверен, что какую-то материальную форму он иногда принимает.

– Хм...

Патрик изучил все материальные формы своего хаоса: бессонницу, приступы пьянства и обжорства, неотступную мечту об одиночестве, которое заставляло его мечтать о компании, не говоря уже (или стоит сказать? вокруг Джонни звенело мощное гравитационное поле покаяния) о вчерашнем адюльтере.

Патрик вспомнил, что лишь пару часов назад пожалел о содеянном, и начал потихоньку вообразить разумную и взрослую беседу с Джулией. Теперь же, на гребне очередной волны алкогольного опьянения, он все больше убеждался, что просто лег в постель с неправильным настроением. Надо это исправить. Непременно.

– Надо это исправить.

- Что - это? - не понял Джонни.

- А, все! - отмахнулся Патрик.

Конечно, он ничего не расскажет Джонни - еще не хватало, чтобы его воспаленный аппетит попал в какой-нибудь патологический контекст или, того хуже, в терапевтическую программу. С другой стороны, что толку в дружбе, если нельзя быть честным? Они с Джонни дружат тридцать лет. Его родители знали родителей Джонни. Сами они все знали друг о друге. Если бы Патрик задумался о самоубийстве, то первым делом спросил бы мнения Джонни. Быть может, удастся перевести разговор с темы его психического здоровья на другую, излюбленную: о том, как время не жалеет их поколение. Они даже придумали название этому феномену - «бегство из Москвы» (у обоих в памяти еще со школы отпечатались яркие картинка: окровавленные и босые солдаты разбитого наполеоновского войска бредут среди обледеневших трупов лошадей и людей). В прошлом году Джонни из профессионального любопытства сходил на встречу однокурсников, после чего отчитался о посещенном мероприятии Патрику. Капитан футбольной команды скололся. Самый умный и блестящий студент их группы пропадает на госслужбе. Гаррет Уильямс не пришел, потому что лежит в психушке. Самый «преуспевший» однокурсник стал главой коммерческого банка, но, по словам Джонни, у него «полный провал по части искренности». А искренность, считал Джонни, очень важна - ее отсутствие означает, что человек с большой долей вероятности подойдет в придорожной канаве.

- Грустно слышать, что тебе плохо, - сказал Джонни, прежде чем Патрик успел увести его на нейтральную территорию коллективной разочарованности и утраты своего «я».

- Вчера я переспал с Джулией, - признался Патрик.

- Полегчало?

- Скорее, я начал думать, полегчало ли мне. А надо было просто отключить мозг.

- Ага, вот что ты хотел «исправить».

- Точно. Я не знал, стоит ли тебе говорить... Думал, если мы точно выясним, что происходит, мне придется это прекратить.

- Ты уже все для себя выяснил.

- Ну, не все. Я понимаю, что Томас возвращает меня в собственное детство, - с Робертом такого не было. Может быть, аутентичности этому воскрешению придает необходимость окружать мою мать материнской заботой. Как бы то ни было, по ночам я вижу рок, нависший над нашей семьей... И лучше я буду проводить эти ночи с Джулией - вместо первобытного хаоса, который чувствую я, она может предложить мне сравнительно безобидную увядшую молодость.

- Сплошные аллегории - Первобытный Хаос, Увядшая Молодость. Иногда женщина - это просто женщина.

- До того, как ты ее зажег?

- Нет-нет, это было про сигару.

- Если честно, простых ответов не существует. Только ты подумал, что раскусил...

Патрик услышал над правым ухом тонкий комариный писк. Повернулся и выдохнул в том направлении струйку дыма. Писк утих.

- Разумеется, мне бы хотелось получать настоящий, полноценный и полнокровный опыт - особенно сексуальный, - продолжал Патрик, - но, как ты сам заметил, я начинаю скатываться в царство аллегорий, где все представляет собой какой-нибудь известный синдром или конфликт. Помню, как пожаловался врачу на побочный эффект рибавирина. «Ах да, обычное дело», - сказал он с поразительным, но, увы, незарадным спокойствием. Когда же я поведал ему о другой, не самой заурядной побочной реакции, он только отмахнулся и заявил: «Никогда о таком не слышал!» Мне кажется, я пытаюсь следовать его примеру: выработать иммунитет к переживаниям, концентрируясь на самом феномене. Я все думаю: «Это обычное дело», хотя на самом деле испытываю прямо противоположные чувства, происходящее кажется мне непонятным и опасным, не поддающимся контролю.

Патрик ощутил резкий укол.

– Чертовы комары! – воскликнул он, слишком сильно хлопая себя по шее. – Они меня живьем съедят!

– Никогда о таком не слышал, – скептически произнес Джонни.

– Обычное дело! – заверил его Патрик. – Регулярно случается с папуасами. Вопрос лишь в том, кто именно меня съест – комары или я сам.

Джонни утопил невеселый прогноз в тишине.

– Послушай, – затараторил Патрик, подаваясь вперед, – я практически уверен, что все происходящее со мной сейчас в той или иной мере соответствует структуре моего раннего детства. Нынешние полуночные метания наверняка схожи с чувством свободного падения, которое я испытывал в колыбели, – родители, думая спасти меня от превращения в маленького злобного манипулятора, поступали так, как было удобно им, а мои потребности попросту игнорировали. Как ты знаешь, моя мать всю жизнь выкладывает себе дорожку в ад исключительно благими намерениями, а отец, скорее всего, был поборником характерообразующих преимуществ авторитарного воспитания. Как мне узнать это наверняка – и пойдет ли это знание мне на пользу?

– Ну, во-первых, ты не пытаешься убедить Мэри, что Томас не нуждается в ее любви, – а дар убеждения у тебя есть, и, если бы ты не чувствовал никакой связи между нынешними событиями и собственным младенчеством, ты бы наверняка им воспользовался. Правильно считают, что труднее всего восстановить карту первых двух лет жизни человека. Нам остается лишь анализировать текущие проблемы и трудности, с которыми он сталкивается. Например, если пациент совершенно не умеет терпеть и ждать, испытывает постоянный голод, утоление которого приводит к обжорству и унынию, а по ночам не спит из-за приступов ипохондрии...

– Прекрати, прекрати! – занял Патрик. – Все правда, все про меня!..

– ...то это явный намек на определенные методы раннего воспитания, – продолжал Джонни, – которые имеют мало общего с метафизическим миром фантазий, каковой Элинор пытается увековечить своей болтовней о «другой реальности» и «тотемных животных». «Наша личность – это завеса, завешивающая нас от самих себя». Что уж говорить о младенчестве, когда у нас

еще нет ни памяти, ни сформированного «я», – там вообще одни сплошные завесы. Даже если потребность в чем-то очень сильна, осознать ее пока некому. Вопрос лишь в том, когда человеку удастся найти и натянуть подходящую ложную личину, маску. Об искренности и речи не идет. Но это не твой случай. Мне кажется, с потерей контроля и свободным падением у тебя все в порядке. Если бы прошлое могло тебя уничтожить, оно бы уже это сделало.

– Не обязательно. Вероятно, оно просто дожидается удобного случая. А времени у прошлого много, хоть отбавляй. Это мое будущее стремительно подходит к концу.

Патрик вылил себе в бокал остатки вина из бутылки.

– И вино.

– Итак, – сказал Джонни, – сегодня ты намерен все «исправить»?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мухомор красный (лат.).

2

Мимозы (фр.).

3

Вам надо на телевидение, Гастон, [делать] много денег. Фантастика! (лом. фр.)

4

Фармакология (фр.).

5

Тихий океан (фр.).

6

Амфетамин (фр.).

7

Вы всегда должны спрашивать (фр.).

Здесь: схема приема (фр.).

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/sent-obin_edvard/patrik-melrouz-kniga-2-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)